

INSPIRIA

18+

ЭЛИЗАБЕТ ФРИМАНТЛ

В ТЕНИ КОРОЛЕВЫ

Чем ярче пламя, тем темнее тени.

INSPIRIA

Элизабет Фримантл
В тени королевы
Серия «Novel. Королевская
трилогия Элизабет Фримантл»
Серия «Трилогия Тюдоров», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69576238
Элизабет Фримантл. В тени королевы: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-191777-7

Аннотация

Долгожданное продолжение королевского цикла!

Идеально для любителей романов Хилари Мантел и Филиппы Грегори. Понравится всем, кому по душе «Тюдоры», «Игра престолов», «Корона».

«В тени королевы» – вторая книга цикла Элизабет Фримантл о выдающихся женщинах английской истории. Она повествует о жизни сестер Грей, о чьих судьбах до сих пор спорят многие исследователи. Но в одном мнении они сходятся: то, что скрыто в тени, может быть ярче солнца.

Джейн Грей, старшая сестра, прозванная в народе «девятидневной королевой», взойшла на престол в дни смуты. Почти сразу она была свергнута Марией Тюдор и казнена как

изменница. После смерти Джейн ее младшие сестры, Кэтрин и Мэри, оказались в тяжелом положении. Их упорно подозревали в интригах и посягательствах на трон, следили за каждым их шагом.

И пускай сестры жили в золотой клетке, ни строгие запреты, ни смертельная опасность не помешали Кэтрин тайно выйти замуж, а Мэри встретить того, кто по-настоящему ее полюбил.

«Юные девушки, мечтающие о большой любви, семье, детях и тихой жизни вдали от королевского двора, вынуждены жить среди интриг, в постоянном страхе, лжи и притворстве. Подкупающий исторической достоверностью роман Фримантл заставляет сердце сжиматься от сочувствия к печальным судьбам сестер казненной королевы Джейн Грей». – Александра Маринина, писательница

«Если вам кажется, что знатным английским дамам XVI века жилось легко и красиво, вы заблуждаетесь». – Юлия Ионина, редактор Wday.ru

Содержание

Персонажи	7
Пролог	23
Часть первая	34
Мэри	34
Кэтрин	44
Мэри	59
Левина	75
Мэри	92
Левина	106
Кэтрин	125
Мэри	134
Мэри	143
Часть вторая	153
Левина	153
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Элизабет Фримантл

В тени королевы

Elizabeth Fremantle

SISTERS OF TREASON

Copyright © Elizabeth Fremantle First published as SISTERS OF TREASON in 2014 by Michael Joseph Michael Joseph is part of the Penguin Random House group of companies

Фотография на переплете: © Malgorzata Maj / Arcangel.

В оформлении использованы иллюстрации:

© Zhukov Oleg, WinWin artlab, antoni halim, Gorbash Varvara / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Холмогорова Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Юные девушки, мечтающие о большой любви, семье, детях и тихой жизни вдали от королевского двора, вынуждены жить среди интриг, в постоянном страхе, джи и притворстве. Подкупающий исторической достоверностью роман Фримантл заставляет сердце сжиматься от сочувствия к печальным судьбам сестер казненной королевы Джейн Грей».

Александра Маринина, писательница

«Если вам кажется, что знатным английским дамам XVI века жилось легко и красиво, – вы заблуждаетесь».

Юлия Ионина, редактор Wday.ru

Персонажи

Я перечисляю персонажей в алфавитном порядке, начиная с имени или прозвища, под которым они чаще всего упоминаются в романе. Также здесь добавлены интересные подробности о второстепенных героях, которым не нашлось места в книге.

Эми Робсарт — леди Дадли, жена Роберта Дадли. Умерла при подозрительных обстоятельствах, вызвавших скандал; некоторые считали, что ее убил муж, дабы жениться на королеве Елизавете. (1532–1560)

Энн Гришем — жена Томаса Гришема, основателя Королевской Биржи. Мэри Грей провела несколько лет под домашним арестом в доме Гришемов в лондонском районе Бишопсгейт, к большому неудовольствию Энн, которая недолюбливала Мэри и не желала брать на себя роль тюремщицы, ограничивающую ее собственную свободу. (Ок. 1520–1596)

Арундел — Генри Фитцэлен, граф Арундел; главный камергер королевского двора как при Марии Первой, так и при Елизавете Первой, дядя по свойству сестер Грей. Арундел был одним из претендентов на руку Елизаветы и одновременно ухаживал за леди Джейн Сеймур (в нашей книге Джуно), которая была намного его моложе; ни то, ни другое окружающие не принимали всерьез. (1512–1580)

Бош — Эдвард Сеймур, виконт Бошан; сын Кэтрин Грей и Эдварда Сеймура, графа Хертфорда, рожденный в лондонском Тауэре. (Старшие сыновья графов обычно получали один из меньших титулов отца; отсюда прозвище Бошан.) Согласно завещанию Генриха Восьмого, должен был стать наследником Елизаветы, однако королева поставила под сомнение его законнорожденность и предпочла наследника из линии Стюартов. Женился на своей кузине Гоноре Роджерс и имел шестерых детей, старший из которых, Уильям, попал в тюрьму за женитьбу на Арабелле Стюарт, правнучке Маргарет Тюдор. (1561–1612)

Боннер — Эдмунд Боннер; епископ Лондона при Марии Тюдор. При Елизавете был заключен в тюрьму Маршалси, где и умер. (Ок. 1500–1569)

Кардинал Поул — Реджинальд Поул, папский легат при Марии Тюдор, последний католический архиепископ Лондона. (1500–1558)

Сесил — Сэр Уильям Сесил, в дальнейшем первый барон Бергли; государственный секретарь при Елизавете и ее самый доверенный советник. Сесил создал при Елизавете чрезвычайно эффективную службу разведки, весьма усилившую и его личную власть. Некоторые полагают, что он поддерживал Кэтрин Грей в качестве наследницы Елизаветы, противопоставляя ее Марии Стюарт, слишком тесно связанной с французами; однако, когда Кэтрин заключили в тюрьму, Сесил от нее дистанцировался. В интересах Елизаветы

ты Сесил неустанно боролся с Марией, королевой Шотландской. (1520–1598)

Дороти Стаффорд — фрейлина Елизаветы, подруга Мэри Грей. (1526–1604)

Герцогиня — Энн Сеймур (урожденная Стенхоуп), герцогиня Сомерсет. Родила десятерых детей, в том числе графа Хертфорда и леди Джейн Сеймур. Первым браком была замужем за герцогом Сомерсетом, лордом-протектором; вторым – за Фрэнсисом Ньюдигейтом, как полагают, дворецким ее мужа. Будучи женой лорда-протектора, претендовала на первенство над вдовствующей королевой Екатериной Парр, но ее притязания не были удовлетворены. (Ок. 1510–1587)

Дадли — Роберт Дадли, граф Лестер; муж (1) Эми Робсарт; (2) Леттис Ноллис; сын Джона Дадли, герцога Нортумберленда; брат Гилфорда Дадли и, таким образом, свояк сестер Грей. Был главным конюшим и фаворитом Елизаветы; его близкие отношения с королевой вызывали немало толков, особенно когда первая жена Дадли погибла при странных обстоятельствах. В 1578 году тайно обвенчался с Леттис Ноллис, попал в немилость, но был прощен, в отличие от жены – ее королева так и не простила. (Ок. 1532–1588)

Эдуард Шестой — король Эдуард Шестой, 28 января 1547–7 июля 1553; единственный сын Генриха Восьмого и Джейн Сеймур. Был коронован в девять лет. При его правлении Англия полностью приняла протестантскую веру. В сво-

ем «Акте о Престолонаследии» отдал сестрам Грей преимущество перед своими сводными сестрами. (1537–1553)

Елизавета Первая — королева Елизавета Первая, 17 ноября 1558–24 марта 1603; младшая дочь Генриха Восьмого и Анны Болейн. Была незаконнорожденной, однако ее признал отец и восстановил в правах престолонаследия. Под различными предлогами избегала брака, используя немужское положение к своей выгоде, и за это получила прозвище Королева-Девственница. (1533–1603)

Филипп Испанский — Филипп (или Фелипе) Второй из дома Габсбургов; сын императора Священной Римской Империи Карла Пятого и Изабеллы Португальской; муж (1) Марии Мануэлы Португальской; (2) Марии Первой (и, таким образом, фактический король Англии); (3) Елизаветы Валуа; (4) Анны Австрийской. В правление Филиппа Испания достигла вершины своего могущества, приросла множеством новых территорий в далеких землях – о ней сказано «империя, над которой никогда не заходит солнце». Однако в 1588 году его великая Армада потерпела поражение от английского флота у берегов Англии, и это стало одной из самых прославленных побед Елизаветы. (1527–1598)

Ферия — Гомес Суарес де Фигероа-и-Кордова, граф (позднее герцог) Ферия; муж Джейн Дормер; недолгое время пробыл посланником Филиппа Второго при дворе Елизаветы. Пытался устроить брак между Кэтрин Грей и сыном Филиппа, чтобы укрепить испанские позиции в Англии. (Ок.

1520–1571)

Фокс — Джон Фокс, английский автор «Деяний и свидетельств», книги, более известной под названием «Книга мучеников Фокса» – чрезвычайно влиятельного памятника антикатолической полемики. Правление Марии Тюдор провел в эмиграции в Женеве. (Ок. 1516–1587)

Фридесвида Стерли — или Стрелли; фрейлина Марии Тюдор. (Ум. 1565)

Фрэнсис Грей — герцогиня Саффолк (урожденная Брэндон); жена (1) Генри Грея; (2) Адриана Стокса, предположительно, ее конюшего; мать Джейн, Кэтрин и Мэри Грей; двоюродная сестра Марии и Елизаветы Тюдор. Считается жестокой матерью, прежде всего благодаря единственному дошедшему до нас свидетельству Джейн Грей о том, что ее пороли в детстве. На мой взгляд, такая оценка несправедлива. (1517–1559)

Фрэнсис Мотэс — придворная дама Елизаветы, предмет ухаживаний Хертфорда в период, когда Сесил предостерегал его держаться подальше от Кэтрин Грей. (Даты жизни неизвестны)

Георг Теерлинк — родился в Бельгии (дата рождения неизвестна), младший сын в состоятельной бланкенбургской семье, прибыл в Англию около 1545 года вместе со своей женой Левиной. Благодаря Уильяму Парру (графу Эссексу) поступил на службу при дворе и стал членом королевской стражи – должность, которую он исполнял до самой смерти.

В 1566 году получил английское гражданство. (Ум. ок. 1578)

Гилфорд Дадли — муж Джейн Грей; сын Джона Дадли, герцога Нортумберленда; младший брат Роберта Дадли, графа Лестера. Его брак с Джейн был организован, когда стало очевидно, что Эдуард Шестой умирает. Нортумберленд стремился связать свою семью с Греями, которых король объявил следующими в линии престолонаследия. Был казнен за измену в тот же день, что и его жена. (1535–1554)

Гарри Герберт — лорд Генри Герберт. Сын графа Пемброка и Энн Парр (сестры Екатерины Парр), первым браком в четырнадцать лет был женат на Кэтрин Грей; это была часть схемы Нортумберленда по обретению власти. Отец Герберта, граф Пемброк, при любых переменах старался держаться поближе к трону. Когда стало ясно, что Мария Тюдор низложит Джейн Грей, Пемброк перебежал на ее сторону, и брак был поспешно аннулирован. Несколько лет спустя, в 1561 году, беременная Кэтрин в отчаянии, думая, что ее тайный муж Хертфорд сбежал, обратилась к Герберту в надежде восстановить отношения. Поначалу он отвечал на авансы девушки, но затем, узнав правду о том, что в одном из писем к ней назвал «ее распутством», пригрозил публично опозорить. Свою угрозу он не осуществил, возможно, потому что подобное обвинение нанесло бы урон и его гордости. Сохранилась переписка между ними, свидетельствующая об этой истории; однако, к сожалению, в романе для нее места не нашлось. Был женат вторым браком на леди Кэтрин Тэлбот и

третьим на Мэри Сидни. (Род. после 1538–1601)

Генри Грей — герцог Саффолк; муж Фрэнсис Грей; отец Джейн, Кэтрин и Мэри Грей. Был казнен за измену по приказу королевы Марии вследствие своего участия в заговоре Уайетта в 1554 году. (1517–1554)

Хертфорд — Эдвард Сеймур, граф Хертфорд; сын герцога Сомерсета, лорда-протектора, и Энн Стенхоуп. Тайно обвенчался с Кэтрин Грей и был заключен в лондонский Тауэр, где и появились на свет двое его сыновей: Эдвард, лорд Бошан, и Томас Сеймур. Более чем через четырнадцать лет после смерти Кэтрин, в 1582 году, женился во второй раз, снова тайно, на некоей Фрэнсис Говард, за что его снова арестовали. После смерти жены в 1598 году опять тайно женился, по странному совпадению, на женщине, которую тоже звали Фрэнсис Говард. (1539–1621)

Джейн Дормер — графиня (позднее герцогиня) Фериа, жена Гомеса Суареса де Фигероа-и-Кордова, графа Фериа. Была убежденной католичкой, лично близкой к Марии Тюдор. (1538–1612)

Джейн Грей — леди Джейн Грей; королева Джейн, 6–19 июля 1553 года; старшая дочь Фрэнсис и Генри Грей, герцога и герцогини Саффолк; жена Гилфорда Дадли; старшая сестра Кэтрин и Мэри Грей. В Джейн видели возможную невесту для ее кузена короля Эдуарда Шестого, однако, когда стало очевидно, что он умирает, ее поспешно выдали замуж за сына Нортумберленда – часть схемы, призванной по-

мочь Нортумберленду получить власть, поскольку юный король назвал Джейн наследницей престола. Она была коронована, но всего девять дней спустя смещена своей кузиной Марией Тюдор и казнена после мятежа Уайетта, 12 февраля 1554 года. Хотя между смертью Эдуарда Шестого и смещением Джейн Грей прошло тринадцать дней, в народе она запомнилась как Девятидневная Королева. (1536/7–1554)

Джуно — леди Джейн Сеймур. Прозвище «Джуно» придумано мною в художественных целях, чтобы избежать путаницы с Джейн Грей и Джейн Дормер. Являлась сестрой графа Хертфорда, дочерью герцога Сомерсета и Энн Стенхуп. Леди Джейн была ближайшей подругой Кэтрин Грей и свидетельницей ее свадьбы, однако безвременно скончалась и не смогла подтвердить, что свадьба имела место. Джейн писала книги; самое известное сочинение – «103 латинских двустушия на надгробии Маргариты Валуа», написанное в соавторстве с сестрами Маргарет и Энн. (Ок. 1541–1561)

Кэт Астли — Кэтрин Астли, или Ашли (урожденная Чемперноун), была воспитательницей Елизаветы и заменила ей мать. В 1549 году едва не рассталась с жизнью за попытку организовать брак своей юной воспитанницы с Томасом Сеймуром. (Ок. 1502–1565)

Кэтрин Грей — леди Кэтрин Грей; вторая дочь Фрэнсис и Генри Грей, герцога и герцогини Саффолк; жена (1) лорда Генри Герберта – брак аннулирован; (2) Эдварда Сеймура, графа Хертфорда; сестра Джейн и Мэри Грей; мать Эдвар-

да, лорда Бошана, и Томаса Сеймура. Кэтрин не было еще и тринадцати, когда она вступила в брак в первый раз (одновременно со своей сестрой Джейн), и, хотя она жила с семьей своего нового мужа, брак не был консумирован, вследствие чего ее свекор граф Пемброк, перебежав на сторону королевы Марии, с легкостью добился аннулирования брака. В возрасте двадцати лет была заключена в Тауэр по приказу Елизаветы за тайный брак с Хертфордом, где родила двоих сыновей. Кэтрин держала много домашних питомцев и очень их любила: в документах имеются упоминания о том, что ее собаки, обезьянки и птицы портили мебель в Тауэре. Позднее, под домашним арестом, Кэтрин начала отказываться от еды, заболела и умерла, проведя в заточении почти восемь лет. Есть предположение, что она намеренно уморила себя голодом – его я и принимаю в романе. Так или иначе из сообщений о ее последних часах ясно, что она совершенно утратила волю к жизни. (1540–1568)

Киз — Томас Киз, начальник дворцовой стражи при дворе Елизаветы, затем комендант Сэндгейт-Касла. Женился на Мэри Грей без дозволения королевы и за это был заключен в одиночную камеру во Флитской тюрьме, что подорвало его здоровье. Известно, что он был самым высоким человеком при дворе Елизаветы: по сообщениям современников, его рост составлял от шести футов до шести футов восьми дюймов. Сесил говорил о его тайном браке: «Начальник стражи, самый рослый человек при дворе, тайно женился на ле-

ди Мэри Грей, нашей самой низкорослой даме». (Ок. 1524–1571)

Леди Ноллис — жена сэра Фрэнсиса Ноллиса (урожденная Кэтрин Кэри); официально дочь Мэри Болейн и Уильяма Кэри, однако ходили слухи, что она дочь Генриха Восьмого, так как приблизительно во время ее зачатия Мэри Болейн была его любовницей. Если это правда, значит, она приходилась сводной сестрой Елизавете. Мать четырнадцати детей, в том числе Леттис Ноллис, леди Ноллис служила у Елизаветы фрейлиной и являлась одной из ее самых близких и преданных спутниц. (Ок. 1524–1569)

Латимер — Хью Латимер, капеллан Эдуарда Шестого. После 1550 года служил капелланом у Кэтрин Брэндон, сводной бабушки сестер Грей. В правление Марии Тюдор был сожжен на костре за ересь. Во время казни произнес: «Мы зажжем в Англии свечу, которая, милостью Божьей, не погаснет». (Ок. 1487–1555)

Леттис Ноллис — графиня Эссекс, графиня Лестер; жена (1) Уолтера Деверо, графа Эссекса; (2) Роберта Дадли, графа Лестера; (3) сэра Кристофера Блаунта. Одна из четырнадцати детей леди Ноллис, мать Пенелопы, Дороти, Роберта Деверо, второго графа Эссекса, и Уолтера. Была отставлена от двора за тайный брак с Дадли, фаворитом Елизаветы, так и не получила прощения. (1543–1634)

Левина Теерлинк — дочь известного фламандского иллюминатора Симона Бенинга, жена Георга Теерлинка и мать

Маркуса Теерлинка. Была старшей из пяти дочерей, ремеслу художника ее учил отец в своей мастерской в Брюгге. В 1548 году присоединилась к английскому двору, возможно, по приглашению Екатерины Парр, и служила в качестве придворной художницы при Генрихе Восьмом, Эдуарде Шестом, Марии Тюдор и Елизавете, а также в качестве придворной дамы при обеих королевах. Ее заработок за 1546 год составил 40 фунтов (больше, чем у Гольбейна). Из ее работ сохранились немногие; однако известны два принадлежащих ей портрета Кэтрин Грей, одной (находится в коллекции Музея Виктории и Альберта) и с маленьким лордом Бошаном, а также еще один портрет, возможно, изображающий Джейн Грей. Известно, что она несколько раз писала Елизавете. В 1566 году получила английское гражданство. (Ок. 1520–1576)

Лиззи Мэнсфилд — придворная дама Елизаветы. (Даты жизни неизвестны)

Магдален Дакр — придворная дама Марии Тюдор. Высокая красивая блондинка, привлекала нежелательное внимание мужа королевы Филиппа Второго. (1538–1608)

Маркус Теерлинк — единственный ребенок Левины и Георга Теерлинков. (Даты жизни неизвестны)

Кузина Маргарет — Маргарет Клифффорд, леди Стрендж, была племянницей Фрэнсис Грей и двоюродной сестрой сестер Грей. Маргарет открыто заявляла, что ее кузины вследствие измены их отца утратили права на престол,

и истинной наследницей Марии Тюдор теперь является она. (1540–1596)

Мария Первая — королева Англии, 19 июля 1553 года – 17 ноября 1558 года; старшая дочь Генриха Восьмого от Екатерины Арагонской; жена Филиппа Второго Испанского. Была объявлена отцом незаконной, но впоследствии восстановлена в правах наследования. При ее правлении Англия вернулась к католицизму; это было достигнуто жестокими методами, за которые королева получила прозвище Марии Кровавой. Она отчаянно желала произвести на свет наследника-католика, однако пережила лишь череду фантомных беременностей, принесших ей тяжелейшее разочарование. (1516–1558)

Мэри Грей — леди Мэри Грей, младшая дочь Фрэнсис и Генри Грей, герцога и герцогини Саффолк, сестра Джейн и Кэтрин Грей. Без королевского дозволения выйдя замуж за Томаса Киза, в 1565 году по приказу королевы была осуждена на домашний арест. Освобождена в 1572 году после смерти мужа. Современник описывает ее как «маленькую, горбатую и весьма безобразную»; однако Мэри не прятали от общества – она получила одинаковое с сестрами образование, и, по некоторым отзывам, считалась столь же даровитой и развитой, как Джейн. (1545–1578)

Мария Шотландская — Мария Стюарт, королева Шотландская, королева Франции; жена (1) Франциска Второго Французского; (2) лорда Дарнли; (3) графа Босуэлла; мать

Иакова Шестого Шотландского и Первого Английского. Будучи католичкой, Мария Стюарт считала, что имеет больше прав на английский престол, чем Елизавета, рожденная в браке, не признанном католической церковью. Выросшая при французском дворе, в восемнадцать лет, после смерти своего мужа Франциска, Мария вернулась в Шотландию. Елизавета надеялась подчинить ее себе и ради этого даже предложила ей в мужья своего фаворита Роберта Дадли, однако Мария поспешно вышла замуж за собственного кузена Дарнли, вскоре погибшего насильственной смертью при подозрительных обстоятельствах. Выйдя замуж за непопулярного Босуэлла, которого подозревали в убийстве Дарнли, Мария была принуждена отречься от престола и бежать из Шотландии. В Англии она надеялась на милость Елизаветы, однако ее арестовали. После девятнадцати лет, проведенных в заключении, Марию казнили за измену. (1542–1587)

Мистер Глинн — верный слуга леди Джейн Сеймур и Хертфорда. (Годы жизни неизвестны)

Мистрис Пойнтц — начальница над младшими фрейлинами при Марии Тюдор. (Годы жизни неизвестны)

Мистрис Сент-Лоу — также Сент-Ло или Сентлоу. Служила при дворе Елизаветы, была арестована и подверглась допросам из-за брака Кэтрин Грей, которая доверила ей свою тайну. Иногда ее путают с Бесс Хардвик, третьим мужем которой был Уильям Сент-Лоу. Однако, скорее всего, это другая женщина, ее родственница. (Даты жизни неиз-

вестны)

Николас Хиллиард — прославленный миниатюрист, раб-ботавший при дворах Елизаветы и Иакова. Возможно, учился у Левины Теерлинк, а затем во Франции у Клуэ. Автор трактата об искусстве миниатюры (опубликован 1589–1600), в котором утверждал, что это искусство не для женщин. Многие из его прекрасных работ дошли до наших дней. (Ок. 1547–1619)

Нортумберленд — Джон Дадли, герцог Нортумберленд; отец фаворита Елизаветы Роберта Дадли, графа Лестера, и мужа Джейн Грей Гилфорда Дадли. При Эдуарде Шестом был лордом-председателем Совета; считалось, что именно он настоял на том, чтобы Эдуард объявил своей наследницей Джейн Грей – и это вполне вероятно, если вспомнить о поспешно организованном браке Джейн с его сыном. Немедленно после восшествия на престол Марии Тюдор был казнен по обвинению в государственной измене. (1504–1553)

Пегги Уиллоуби — Маргарет Уиллоуби, жена Мэтью Арундела; в детстве находилась под опекой Фрэнсис Грей, всю жизнь оставалась подругой Мэри Грей. (1544–после 1578)

Пемброк — Уильям Герберт, граф Пемброк; отец Гарри Герберта. Придворный и воин, за безумные выходки на поле боя получил прозвище Дикий Уилл. Женат на Энн Парр; таким образом, приходился свояком королеве Екатерине Парр. Принимал активное участие в интриге, призван-

ной возвести на престол Джейн Грей, однако сумел отмежеваться от Нортумберленда (отчасти быстро аннулировав брак своего сына с Кэтрин Грей, игравший важную роль в выстроенной Нортумберлендом схеме) и вернуть себе милость Марии Тюдор. Пемброк может выглядеть человеком жестоким и бесчестным, однако его пес был настолько ему предан, что после смерти Пемброка лег под его гроб и там умер. (1501–1570)

Симон Ренар — испанский посол при дворе Марии Тюдор до ее замужества. (1513–1573)

Сэр Эдвард Уорнер — комендант Тауэра во время заключения там Кэтрин Грей и Хертфорда; потерял свой пост и сам был заключен в тюрьму, когда обнаружилось, что под его надзором Кэтрин зачала второго ребенка. (1511–1565)

Сэр Джон Бриджес — комендант Тауэра во время заключения там Джейн Грей. (Ок. 1491–1557)

Сэр Оуэн Хоптон — комендант Тауэра с 1570 года. Кэтрин Грей умерла во время пребывания под домашним арестом в доме Хоптона в Кокфилд-Холле. Он присутствовал при ее кончине. (Ок. 1519–1595)

Стокс — Адриан Стокс, второй муж Фрэнсис Грей и, следовательно, отчим Кэтрин и Мэри Грей; их брак вызвал неодобрение в свете, поскольку Стокс был ниже Фрэнсис Грей по положению (считается, что он являлся ее конюшим), и часто изображается неверно, исходя из мысли, что Стокс был намного моложе Фрэнсис, хотя в действительности он

был младше ее всего на два года. Позже он женился на Энн Трокмортон. (1519–1585)

Сьюзен Кларенсьё — любимая фрейлина Марии Тюдор. (До 1510–1564)

Том — лорд Томас Сеймур; младший сын Кэтрин Грей и Эдварда Сеймура, графа Хертфорда. Родился в лондонском Тауэре. Согласно завещанию Генриха Восьмого должен был считаться наследником Елизаветы (вторым после своего старшего брата), однако королева подвергла сомнению его законнорожденность и предпочла линию Стюартов. (1563–1600)

Дядя Джон — сэр Джон Грей, брат Генри Грея, герцога Саффолка, и дядя сестер Грей. Вместе со своей женой Мэри охранял Кэтрин Грей, когда она находилась под домашним арестом в Пирго. Был приговорен к смерти за участие в мятеже Уайетта против Марии Тюдор, однако сохранил себе жизнь в обмен на земли и титулы. Его реабилитировали при Елизавете, пожаловавшей ему королевский дворец в Пирго. Снова попал под подозрение после публикации трактата Колченого Хейлза – памфлета, в котором утверждались права на престол Кэтрин Грей и ее потомства; однако заболел и умер прежде окончания дела. (Ок. 1523–1564)

Пролог

Левина

Лондонский Тауэр, февраль 1554 года

Фрэнсис дрожит. Левина поддерживает ее, крепко взяв под руку. Пронизывающий ветер свистит в обнаженных ветвях, треплет подола юбок, пытается сорвать с женщин чепцы, так что завязки врезаются в горло. Зимнее небо в серых пятнах, словно внутренняя сторона устричной раковины; и на этом безрадостном фоне – темные очертания Белой Башни. Кучка людей у эшафота жметя друг к другу, трет замерзшие руки, притоптывает ногами, чтобы согреться. Мимо проходят двое мужчин с тачкой, но Левина на них не смотрит: взгляд ее устремлен вверх, к окну в башне, где, кажется, мелькнул чей-то силуэт.

– О господи! – шепчет Фрэнсис, прижав руку ко рту. – Гилфорд!

Левина смотрит на нее и мгновенно понимает. Окровавленное тряпье в тачке – тело Гилфорда Дадли.

Фрэнсис дышит часто, поверхностно, лицо у нее даже не бледное – зеленое. Левина берет ее за узкие, словно у девочки, плечи, поворачивает лицом к себе, твердо смотрит в гла-

за.

– Дыши глубже, Фрэнсис, дыши глубже! – приказывает она, и сама делает несколько глубоких медленных вдохов, надеясь, что Фрэнсис инстинктивно начнет повторять за ней. Невозможно представить, каково ей сейчас. Что чувствует мать, когда ждет казни своей семнадцатилетней дочери – и ничего не может сделать?

– Не понимаю, почему Мария... – Она останавливается, поправляет себя: – Почему королева не разрешила нам с ней увидеться... попрощаться?

– Страх сделал ее безжалостной, – говорит Левина. – Повсюду ей чудятся заговоры – даже между матерью и приговоренной дочерью.

Она наклоняется к борзому псу по кличке Герой, гладит по спине с выступающими позвонками, а Герой тыкается носом ей в юбку, словно старается подбодрить.

Левина вспоминает, как совсем недавно – еще и года не прошло – писала портрет Джейн Грей в венце и горностаевой мантии. Тогда ее заморозил твердый взгляд этой совсем юной девушки; широко расставленные темные глаза с каштановыми проблесками, тонкая шея, маленькие руки – во всех чертах и хрупкость, и сила. Впрочем, «писала» – громко сказано: едва успела приколоть к доске бумагу для эскиза и начала втирать угольную пыль, когда в Лондон явилась со своими войсками Мария Тюдор, чтобы отнять трон у юной кузины, которая сегодня умрет на эшафоте. Фрэнсис сама по-

могла Левине разбить доску с начатым портретом и бросить в огонь. В наши дни колесо Фортуны в Англии вращается быстро.

Оглянувшись через плечо, Левина видит, что к толпе присоединились несколько католических священников: среди них сразу заметен лондонский епископ Боннер, пухлый и гладкий, похожий на младенца-переростка. Левина живет в его приходе, так что хорошо его знает: он известен своей жестокостью. На круглой физиономии довольная улыбка: радуется, что юной девушке отрубят голову? Видит в том свою победу? Как хотела бы Левина стереть эту ухмылку пощечинной! Она почти видит красный след на щеке, почти чувствует, как чешется ладонь после удара.

– Боннер, – шепчет она Фрэнсис. – Не оборачивайся. Если встретится с тобой взглядом – чего доброго, подойдет поздороваться.

Фрэнсис, тяжело сглотнув, кивает. Левина отводит ее прочь, подальше от католиков, чтобы не пришлось столкнуться с ними лицом к лицу.

Немногие пришли проводить в последний путь девушку, что всего несколько дней пробыла их королевой. Говорят, на казнь Анны Болейн – той, с кого и пошла мода обезглавливать королей, собрались сотни зрителей, свистели и улюлюкали. Сегодняшняя казнь никого не радует: разве что Боннера и его приспешников, но и им хватает ума не торжествовать вслух. Левина думает о королеве во дворце, представ-

ляет, как бы ее написала. Сейчас она, должно быть, со своими фрейлинами; скорее всего, они молятся. Однако Левина представляет Марию Тюдор одну, в огромном пустом приемном зале. Женщине только что доложили, что одна из любимых юных кузин убита по ее приказу. С каким выражением она встречает эту весть? Что у нее на лице? Тщательно подавляемое торжество, как у Боннера? Нет. Страх? Тоже нет: хотя она, несомненно, боится – всего несколько дней назад войска мятежников едва не сбросили ее с престола, чтобы посадить туда ее сестру Елизавету. Нет, исхудалое лицо королевы бело, как чистый лист пергамента, и так же лишено всякого выражения, и в мертвых глазах читается: эта казнь не последняя.

– Ее отец, – бормочет Фрэнсис. – Не могу не думать, что все из-за него... Его безумное тщеславие! – Эти слова она выплевывает, словно они горчат на вкус.

Левина снова бросает взгляд на высокое окно в башне. Может быть, человек, которого она там заметила, – муж Фрэнсиса и отец Джейн, Генри Грей, также ждущий казни за измену?

Мужчины с тачкой останавливаются невдалеке от них, возле невысокого строения. Переминаются с ноги на ногу, о чем-то переговариваются. Кажется, им просто скучно. Как будто и нет обезображенного тела юноши у них за спиной.

– Все как карточный домик, Вина. Как карточный домик.
– Фрэнсис, не надо! – просит Левина, обнимая подругу за

плечи. – Ты сведешь себя с ума.

– А королева? Где ее милосердие? Ведь мы с ней близкая родня. *Elle est ma première cousine; on était presque élevée ensemble*¹.

Левина обнимает женщину крепче и молчит. Фрэнсис часто забывает, что Левина почти не понимает по-французски. Она никогда не спрашивала, почему Фрэнсис, англичанка до мозга костей, предпочитает французский язык, при дворе давно вышедший из моды. Возможно, дело в ее матери – Марии Тюдор, вдове французского короля.

К ним приближается какой-то человек: ветер развеивает на нем плащ, словно крылья летучей мыши. Остановившись перед двумя женщинами, он отвешивает вежливый поклон, снимает шляпу и мнет ее в руках.

– Миледи, – представляется он, щелкнув каблуками, – сэр Джон Бриджес, комендант Тауэра. – В нем чувствуется суровость – именно таким, думает Левина, должен быть тюремный страж; но на следующих словах он оставляет формальный тон. – Миледи, соболезную вам всем сердцем. Мы с женой... – Голос у него дрожит, он сбивается. – За прошедшие месяцы мы оба привязались к вашей дочери. Она замечательная девушка.

Фрэнсис хватает воздух ртом, словно тонет, и не может вымолвить ни слова – просто сжимает его руку и кивает.

¹ Мы с ней двоюродные сестры, мы почти выросли вместе! (*фр.*) – *Здесь и далее прим. пер.*

– Ее сейчас выведут. – Комендант понижает голос до полшепота. – У нас будет несколько минут; я помогу вам с ней проститься. Она не захотела встретиться со своим мужем перед... – «Перед казнью», хотел сказать он, но вовремя остановился. – Однако попросила о том, чтобы увидеть вас.

– Отведите меня к ней! – Фрэнсис наконец удается заговорить.

– Здесь нужна крайняя осторожность. Вам нельзя привлекать к себе внимание. – Несомненно, он имеет в виду Боннера и его католических ищеек. – Сейчас я уйду. Через некоторое время идите за мной следом. Войдите через заднюю дверь вон в то здание. – Он машет рукой в сторону неприметной пристройки к Колокольной Башне. – Мы будем ждать вас там.

Он разворачивается и уходит. Выждав с минуту, женщины отправляются в ту же сторону, как будто просто хотят укрыться от ветра. Входят, пригнувшись, в низенькую заднюю дверь и оказываются в темноте. Не сразу глаза привыкают к мраку, но вот Левина различает впереди еще одну дверь. Может быть, им туда? Как видно, ей придется взять инициативу на себя: Фрэнсис сейчас вряд ли на что-то способна. Она уже делает шаг к двери, однако та со скрипом отворяется, и из-за нее выглядывает Бриджес. Не увидев никого, кроме двух женщин, распахивает дверь – и вот перед ними Джейн, в черном с ног до головы, с парой книг в маленьких белых руках.

– *Maman!*² – говорит она с улыбкой, так, словно сегодня самый обычный день.

– *Cherie!* – восклицает Фрэнсис, и мать и дочь бросаются друг другу в объятия. – *Ma petite cherie!*³ – шепчет Фрэнсис снова и снова; французский язык придает этой сцене оттенок драматического спектакля. Левину поражает, что из двоих более взрослой выглядит Джейн: она спокойна и собрана, идеально владеет собой.

Из деликатности Левина отступает на шаг и отводит взгляд – хотя мать и дочь едва ли помнят о ее присутствии.

– Мне так жаль, *cherie*... так жаль!

– Знаю, *taman*. – Джейн осторожно освобождается из ее объятий, поправляет платье. – *Ne vous inquietez pas*⁴. Бог избрал меня для этого. Я уйду к Нему по своей воле, как исповедница новой веры.

Где хрупкая девушка, которую писала Левина несколько месяцев назад? Хладнокровная, бесстрашная женщина стоит перед ними. Левину вдруг тяжело поражает мысль, что из Джейн Грей вышла бы королева куда лучше, мудрее, чем из Марии Тюдор. Если бы люди увидели ее сейчас – кому пришло бы в голову собирать войска, чтобы свергать Джейн с престола и сажать на трон ее кузину-католичку?

– Мне бы хоть толику твоего мужества! – шепчет Фрэнсис.

² Мама! (*фр.*)

³ Милая моя! Моя маленькая! (*фр.*)

⁴ Не мучьте себя (*фр.*)

– Пора, *tatan*, – говорит Джейн, оглянувшись на Бриджеса, и тот угрюмо кивает. Джейн передает Фрэнсис одну из своих книг и шепчет: – Внутри письма, для вас и для Кэтрин. Ей я написала прямо на форзаце книги; письмо она непременно потеряет – сестренка не из тех, кто бережет вещи!

Она смеется; этот звонкий смех рождает и у Фрэнсис что-то похожее на улыбку. В этот миг Левина замечает, как похожи мать и дочь, и невольно улыбается сама. Но смех тут же стихает.

– *Maman*, берегите Кэтрин! У нее впереди много испытаний: не знаю, достанет ли ей мужества.

Верно. До сих пор Левина об этом не задумывалась, но пророчество Джейн поражает ее своей кошмарной неизбежностью. Немало реформатов мечтают сместить королеву Марию и посадить на трон правителя одной с ними веры – и после казни Джейн важнейшей фигурой для заговорщиков неминуемо станет ее младшая сестра. Значит, теперь под ударом окажется она. А потом и малышка Мэри... Как костяшки в домино: падает одна – валятся и следующие.

– А Мэри? Что ей передать от тебя? – спрашивает Фрэнсис, тоже вспомнив о своей младшей дочери.

– Мэри умна, мои советы ей не требуются.

В последний раз помахав им тонкой рукой, Джейн скрывается за дверью. Фрэнсис сжимает книгу в одной руке, а другой опирается о стену, словно боится упасть.

– Идемте, – говорит Левина и, взяв ее под локоть, выводит

на улицу – к воющему ветру и эшафоту, перед которым прибавилось зрителей, хотя толпой их все равно не назовешь.

Вот и процессия: впереди Бриджес с серым, как пепел, лицом, за ним католический священник, которому так и не удалось обратить Джейн в свою веру. Оба не поднимают глаз. За ними – она: отважная, прямая, словно свеча, с раскрытой Псалтирью в руках, губы шевелятся в беззвучной молитве. По бокам от бывшей королевы две ее фрейлины, едва сдерживают слезы. Левина знает, что у нее в сердце навеки останется эта сцена: траурный наряд Джейн на фоне мрачных серых стен; плачущие фрейлины в неуместно ярких одеяниях; ветер, треплющий подола и чепцы, словно готовый поднять женщин в воздух; мертвенно-бледный тюремщик – и лицо Джейн, торжественное и спокойное. Когда-нибудь она напишет эту картину. Обязательно напишет.

Порыв ветра ломает ветку соседнего дерева, она с треском рушится на мостовую – достаточно близко от Боннера и его присных, чтобы они бросились врассыпную. Интересно, многие ли здесь, как сама Левина, жалеют, что ветка не попала в цель?

Джейн Грей поднимается на эшафот, обводит взглядом зрителей, готовясь заговорить. Левина стоит так близко, что, протянув руку, может коснуться края ее юбки; однако ветер вырывает слова из уст Джейн и уносит прочь, так что до зрителей долетают лишь обрывки.

– Я умываю руки, ибо я невиновна... – И она трет одна о

другую свои маленькие руки. – Я умираю истинной христианкой и ожидаю спасения не от чего иного, а только от милосердия Божьего. – Даже на пороге смерти Джейн не изменяет новой вере. Хотела бы Левина иметь хоть щепотку ее непреклонности!

Закончив, Джейн снимает верхнее платье, передает его фрейлинам и развязывает чепец. Снимает головной убор, и освобожденные волосы, подхваченные ветром, взмывают вверх, словно хотят поднять ее в небеса. Поворачивается к палачу. Должно быть, он просит у девушки прощения: слов Левина не слышит, но видит его искаженное лицо – то, что происходит, ужасает даже палача. Только Джейн остается совершенно спокойной.

Одна из женщин подает ей повязку. Качнув головой в ответ на предложение помощи, Джейн сама завязывает себе глаза, опускается на колени и складывает руки в молитве. Не слышно ни звука – видно лишь, как шевелятся ее губы. Молитва окончена – и тут, кажется, самообладание вдруг изменяет Джейн. С завязанными глазами она не может найти плаху. Пошатывается, слепо шарит руками перед собой; сейчас она напоминает Левине новорожденного котенка или щенка, слепыша, отчаянно ищущего материнский сосок.

Никто не сводит с нее глаз – и никто не спешит на помощь. Окружающие парализованы ужасом при виде юной девушки, беспомощно ищущей опоры во тьме. Все молчит: кажется, стих даже ветер – словно Небеса затаили дыхание. Джейн

шарит руками в воздухе и никак не может найти. Не в силах на это смотреть, Левина взбирается на эшафот, берет Джейн за руки – холодные маленькие руки, совсем детские – и кладет их куда следует. Слезы жгут ей глаза, когда она спускается назад, к побелевшей от ужаса Фрэнсис.

Взмах стали, алая струя – и все кончено. Фрэнсис не держат ноги; Левина поддерживает женщину и прикрывает ей глаза, чтобы мать не видела, как палач показывает толпе отрубленную голову ее дочери. Сама Левина не отводит глаз – не зная, зачем, – но видит не то, что происходит в действительности: на месте палача ей чудится королева. Это она поднимает за окровавленные волосы голову своей юной кузины; на ее пышный наряд льется кровь; ее бесстрастное лицо и мертвые глаза...

Все молчат; лишь снова завывает, словно в бессильном негодовании, ветер.

Левина едва успевает отбежать к сточной канаве, и ее выворачивает наизнанку.

Часть первая

Королева Мария

Мэри

Епископский дворец, Винчестер, июль 1554 года

– Сиди смирно, Мэри Грей, – говорит мистрис Пойнтц; голос у нее такой же жесткий, как пальцы. – Хватит вертеться!

Она слишком туго затягивает мне косы. Хочется вырваться или закричать – что угодно, лишь бы прекратила меня трогать.

– Вот так! – заканчивает женщина и, надвинув мне на голову чепец, завязывает ленты под подбородком. Ткань закрывает уши. Кажется, я слышу шум моря, словно в большой раковине, которую мы прикладывали к уху в Брэдгейте. Что стало с той раковиной теперь, когда Брэдгейт больше не наш дом? – А платье тебе поможет надеть Магдален!

Она подталкивает ко мне темноволосую девушку. Та хмурится и бросает на нее недовольный взгляд искоса.

– Я же еще не... – начинает она.

– Сделай, пожалуйста, как я сказала, – прерывает ее мистрис Пойнтц; голос у нее, словно обручи у меня под юбкой. Магдален закатывает глаза, переглядывается с кухней Маргарет, стоящей у меня за плечом.

Вокруг суета: в распахнутых сундуках и коробах громоздятся платья, чепцы лежат грудями на подоконниках, со всех углов небрежно свисают цепочки и ожерелья. В воздухе смешалась дюжина разных духов. Так тесно, что шагу нельзя ступить, не попав кому-нибудь локтем в глаз; девицы едва не друг по дружке ходят, чтобы дотянуться до своих вещей. *Матан* сейчас одевается в такой же тесноте – в одной комнате с пятью другими дамами; но, по крайней мере, в ее покоях есть дверь. А комната младших фрейлин, где ночевали сегодня четырнадцать девушек, расположена в конце коридора и отгорожена от него только занавеской. Все утро мистрис Пойнтц отгоняет от этой занавески любителей подсмотреть, как переодеваются те из нас, что постарше.

Я протягиваю Магдален свое платье. Та вертит его в руках, потом спрашивает с гримасой:

– И как его надевают? – Платье она держит кончиками пальцев, от себя подальше.

– Вот это, – отвечаю я, показывая на высокий воротник, скроенный специально по моей мерке, – сюда, наверх.

– А, так вот что это – карман для горба? – с презрительной усмешкой бросает Магдален.

Я не разревуся. Нет. Ни за что не буду реветь. Что, если

бы здесь была сестра Джейн? «Будь стойкой, Мышка, – сказала бы она. – Никому не позволяй догадаться, что ты чувствуешь».

– Не понимаю, зачем на свадьбе королевы эта уродина! – говорит Магдален кузине Маргарет. Вполголоса – но я все слышу.

Я боюсь разреветься – от моих слез станет только хуже; поэтому думаю о Джейн. Однажды она сказала мне: *«Раз Бог сотворил тебя такой – наверное, у Него была на то причина. Он знает, что делает. В Его глазах ты совершенна, и в моих тоже»*. Но я-то знаю, что вовсе не совершенна! У меня горб на плечах и такая кривая спина, словно я долго висела на крюке, подвешенная за загривок. И ростом я с пятилетней девочку, хотя лет мне уже почти вдвое больше.

«Кроме того, – добавляет Джейн в моем воображении, – важно не то, что снаружи, а то, что здесь». – Сестра указывает себе на лоб.

– У Мэри Грей больше права присутствовать на свадьбе, чем у тебя, – замечает Джейн Дормер, любимица королевы. – В ней течет королевская кровь.

– Да, но в каком безобразном сосуде! – бормочет Магдален и со вздохом начинает затягивать на мне шнуровку.

Эта свадьба оплачена жизнью моей сестры; так решила королева. С тех пор, как убили Джейн, прошло сто шестьдесят четыре дня – каждый день я отмечаю в молитвеннике; но боль не уходит и, наверное, не уйдет никогда. Сама себе я

напоминаю дерево в нашем брэдгейтском парке, в которое ударила молния – пустое и черное, выжженное изнутри.

Ненавидеть королеву – грех, измена. Только я не могу задушить эту клокочущую во мне ненависть. Что сказала бы Джейн? «Никому не позволяй догадаться, что ты чувствуешь».

– Ну вот, – говорит Магдален и отворачивается. – Готово.

Шнуровку она затянула так туго, что я напоминаю себе голубя, готового к жарке, фаршированного и зашитого ниткой.

– А Елизавета будет на свадьбе? – спрашивает кузина Маргарет.

– Нет, конечно, – отвечает Магдален. – Она сидит взаперти в Вудстоке.

– Бедняжка! – говорит Джейн Дормер, и наступает тяжелое молчание. Может быть, все вспоминают мою сестру Джейн и думают о том, что случается с девушками, стоящими слишком близко к трону. Раньше портрет Елизаветы висел в длинной галерее в Уайтхолле; теперь его сняли, и на этом месте темное пятно.

Мне не дает покоя мысль, что еще одна девушка, стоящая слишком близко к трону, – моя сестра Кэтрин.

– Мне рассказывали, – шепчет Магдален, – Елизавету даже в сад погулять не выпускают без охраны!

– Хватит болтовни! – обрывает ее мистрис Пойнтц. – Где твоя сестра?

– Кэтрин? – переспрашиваю я, не совсем понимая, к кому она обращается – в этой комнате полно сестер.

– А что, разве у тебя есть... – Тут она осекается и умолкает. Должно быть, вспомнила, что у меня *была* еще одна сестра.

Лицо мистрис Пойнтц смягчается; она даже улыбается мне и, ласково погладив по плечу, говорит певуче, словно обращается к младенцу:

– Это платье отлично сшито, Мэри. Как хорошо на тебе сидит!

Я чувствую ее отвращение – и в притворной улыбке, и в том, как, коснувшись меня, она тут же украдкой вытирает руку о свои юбки, словно испачкавшись. Я молчу, и она посылает Джейн Дормер разыскать Кэтрин, которая, как на грех, снова куда-то запропастилась.

В груди вещей Кэтрин лежит греческий Новый Завет сестры Джейн. Как только меня оставляют в покое, я ухожу с книгой в коридор, открываю первую страницу и читаю письмо, написанное на форзаце. Нет, скорее, вглядываюсь в изящный почерк Джейн. Читать нет нужды – каждое слово этого письма навсегда в моем сердце.

Милая сестра, в этой книге закон нашего Господа. Здесь его завет и завещание, оставленное нам, скверным и грешным, чтобы вести нас по пути вечного блаженства. Читай ее со вниманием, и она приведет тебя к жизни бессмертной и бесконечной. Эта книга расскажет тебе, как жить, и на-

учит умирать.

Так и не понимаю, почему мне она не написала ни слова. Зачем было оставлять Кэтрин письмо с пожеланием процветать Завет – ведь всем известно, что она едва понимает по-гречески? Этот язык знаю я; это я день за днем слушала, как Джейн читает свою греческую Библию, пока Кэтрин бегала по парку наперегонки со своими щенками и строила глазки отцовским пажам. Должно быть, говорю я себе, Джейн решила, что я в наставлениях не нуждаюсь. Но, хоть и знаю, что это стыдно, да к тому же грешно, не могу побороть в себе молчаливую зависть к Кэтрин: не за то, что она прекрасна, как залитый солнцем луг, а я крива, как шпалерная яблоня, а за то, что ей Джейн написала, а мне нет.

– Мэри, пойдем прогуляемся? – Это Пегги Уиллоуби; она берет меня за руку и ведет через крытую галерею в сад.

Только что прошел дождь; в воздухе стоит свежесть, и пахнет влажной землей. Мы садимся на каменную скамью под навесом, стараясь не замочить платья; вода оставит пятна на шелке, и нам попадет от мистрис Пойнтц. Мы здесь самые младшие: Пегги, воспитанница *taman*, всего на год меня старше, но выше на полторы головы – такая я низенькая. У Пегги светлые волосы и круглые блестящие глаза; она была бы красивой, если бы не расщепленная надвое губа. Из-за губы Пегги и говорит невнятно.

– Как думаешь, какой он? – спрашивает девочка.

Речь, разумеется, о женихе королевы, испанском принце Филиппе; в последние дни в покоях фрейлин только о нем и говорят.

Я пожимаю плечами.

– Ты же видела портрет.

Все мы видели портрет, вывешенный в Уайтхолле: тяжелые веки и взгляд, словно следящий за тобой, где ни встанешь. От одного воспоминания о нем у меня мурашки по коже. На нем сверкающие черные доспехи, позолоченные здесь и там, а чулки белее лебединых перьев. Когда портрет только повесили, Кэтрин и кузина Маргарет подолгу стояли перед ним, шептались и подталкивали друг друга локтями.

– Ты только посмотри, какие у него прекрасные стройные ноги! – говорила Маргарет.

– А гульфик-то какой! – добавила Кэтрин, и обе покатались со смеху, прикрывая рты ладонями.

– Вот что я хотела бы знать, – продолжает Пегги, – правду ли говорят, что он привезет с собой *инквизицию*? – Это слово она произносит так, словно оно жжет ей рот, и надо поскорее его выплюнуть.

– Ах, это, – говорю я. – Никто не знает.

– А что такое вообще *ин-кви-зиция*?

– Точно не знаю, Пегги, – отвечаю я.

Это ложь. Знаю; *татап* мне объяснила. «Инквизиция» значит, что людей за веру хватают и сжигают живьем. Но я не хочу пугать Пегги; она и без того подвержена ночным

кошмарам, а если услышит хоть слово о том ужасе, какой, по словам *tatan*, ожидает Англию, вообще не сможет сомкнуть глаз.

– Пока мы хорошие католики, нам бояться нечего, – добавляю я.

Пегги машинально тянется к висящим на поясе четкам. «Добрый католик» из нее такой же, как из меня, – попросту сказать, никакой; но мы должны притворяться католичками, от этого зависит наша жизнь. Так говорит *tatan*.

– Поэтому королева не позволяет Елизавете появляться при дворе? Потому что она не приняла католическую веру?

– Откуда мне знать? – отвечаю я. Перед глазами встает Джейн: что, если так же кончит Елизавета... а потом и Кэтрин? Но я поспешно прогоняю эту мысль, не дав ей овладеть мной.

– Ничего-то ты не знаешь!

Вот и хорошо, что она так думает; ибо, по правде сказать, знаю я слишком много. Все потому, что прислушиваюсь к разговорам взрослых – к тем, что они ведут при мне, полагая, что ребенок ничего не поймет. Я знаю, что испанский посол хочет избавиться от Елизаветы, как уже избавился от Джейн. Знаю, что королева не хочет казнить сестру. Пока не хочет. Однако и про Джейн мы думали, что она в безопасности – ведь Джейн была одной из ее любимых кузин. Эта мысль ведет за собой следующую: знаю я, может, и много, но еще больше того, чего я не знаю. Только мне известно

точно: Англия не хочет этой испанской свадьбы, не хочет и страшится того, что она принесет.

– Ты не расшнуруешь мне платье? – прошу я Пегги, сочтя за благо сменить тему. – Ужасно туго, не могу терпеть!

Пегги ослабляет шнуровку, и боль в спине стихает. По камням садовой дорожки прыгает дрозд – такие тоненькие ножки, просто чудо, как он на них держится – склевывает что-то с земли желтым, как масло, клювом. Потом вспархивает и устремляется в небо. Я провожаю его взглядом и думаю о Незабудке, голубом попугайчике королевы. Этой чудной яркой птичке не суждено увидеть небо: она обречена всю жизнь скрестись в клетке и повторять слова, которых не может понять.

– Ты никогда не думала, что у животных тоже есть души? – спрашиваю я.

– Вот еще! Нечестиво думать о таких вещах!

М-да. Спрашивать у Пегги: «А ты никогда не думала, что, может быть, никакого Бога и нет?» – точно не стоит. Представляю, как она ужаснется от одной только мысли об этом! И наверняка наябедничает – без дурного умысла, просто чтобы спасти меня от самой себя. Воображаю ужас на физиономии мистрис Пойнтц, а дальше... Кто знает, что может случиться дальше. Мне все чаще думается, что нельзя считать свою веру истинной, пока ее не проверишь, пока не задашь все возможные вопросы и на каждый не найдешь ответ. Но такие мысли – ересь. Это мне известно. И снова в

дверь моего разума стучится Джейн. Она когда-нибудь сомневалась в своей вере? Если и сомневалась, то об этом не рассказывала. Хотя нет, мне кажется, Джейн верила так же, как Кэтрин любит: ее вера, как дом в Библии, стояла на камне и не могла обрушиться.

«Где ты сейчас? – мысленно обращаюсь я к мертвой сестре. – С Богом?»

Порыв холодного ветра бьет в лицо.

– Пойдем, – говорит Пегги. – Мистрис Пойнтц, должно быть, нас уже обыскала.

Кэтрин

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...

Я бегу вприпрыжку по берегу пруда и шепчу его имя. Почва здесь влажная, заболоченная; намокший подол отяжелел и хлопает меня по лодыжкам.

– Леди Кэтрин! Кэтрин Грей! – зовет со ступеней Джейн Дормер, но я делаю вид, что не слышу.

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...

Под корсажем, прямо против сердца, спрятана памятка: атласная лента, что подарил мне на счастье Гарри Герберт после нашей свадьбы. Тогда она была светло-голубой, цвета воды, но за долгие месяцы выцвела и стала грязно-серой. Однако и наша фамилия означает «серый», так что для Кэтрин Грей такая лента вполне подойдет!.. Скучная, простонародная фамилия, наводит на мысль о дожде, черепице, камнях мостовой: по ней ни за что не угадаешь, что Грей – из высшей знати, что мы близкая родня королеве. «Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...» Буду думать о нем, только о нем. Пусть Гарри Герберт займет все мои мысли – пусть не останется места ни для сестрицы Джейн, ни для отца, без которого я словно с дырой внутри.

Стыдно вспоминать, как я раньше завидовала Джейн. Ее вечно ставили мне в пример. Я только и слышала: твоя старшая сестра – настоящее чудо, образец ума, образец благо-

родства, вот какой должна быть девушка! И умирала от зависти. Теперь страшно по ней скучаю – стараюсь не вспоминать, чтобы совсем не расклеиться. Нет, буду думать о чем-нибудь другом! В конце концов, мне четырнадцать, а о чем положено думать в этом возрасте? Конечно, о любви! «Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...» И вообще, первой красавицей в семье всегда называли меня! А судя по судьбе моей бедной сестры, красивой быть лучше, чем умной и благородной. Безопаснее.

Я раскидываю руки и кружусь, притворяясь, что не слышу Джейн Дормер, которая, подобрав пышные юбки, уже спускается с крыльца. Смотрю в небо, на серебряную монетку солнца за облачной вуалью. «Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...» Пытаюсь вообразить своего мужа – но уже семь месяцев я его не видела, и его лицо померкло, превратилось в отдаленное воспоминание. Но до сих пор помню, как от него пахнет – миндалем. Впервые я увидела его в день свадьбы. Я была тогда страшно зла, вообще не хотела выходить замуж – все еще оплакивала несчастную любовь к одному кузену. Сейчас уже и не помню, как он выглядел, этот кузен, а тогда казалось, что умру от тоски по нему.

Сестрица Джейн всегда говорила: ты слишком поддаешься чувствам, будь осторожна, иначе однажды это доведет тебя до беды. Что ж поделать? Когда приходит любовь, захватывает тебя и возносит к небесам, так что голова кружится от восторга, как ей противиться? Это я и почувствовала, ко-

гда в первый раз увидела Гарри Герберта – в зеленом шелковом дублете под цвет зеленых глаз. Гарри Герберт не сводил с меня взгляд – и у меня сердце заколотилось. А едва он мне улыбнулся, бедный кузен был забыт.

Подходит Джейн Дормер. Я перестаю кружиться и хватаюсь за ее руку, чтобы не упасть. На лице у нее такое выразительное неодобрение, что я покатываюсь со смеху.

– Вот уж не знаю, что тебя так развеселило, Кэтрин! – говорит она и, отвернувшись, прижимает кулачок к губам. Кажется, она хотела сказать что-то еще, но передумала.

– М-м... просто радуюсь предстоящей свадьбе королевы. – Против этого даже Джейн возразить нечего!

На самом деле Джейн вовсе не плохая. Она милая, просто совсем на меня не похожа.

– Мистрис Пойнтц велела мне найти и привести тебя. Надо спешить, ты еще даже не переоделась в праздничное! – Она берет меня под локоть и ведет к дому.

– На свадьбу приедет Гарри Герберт!

– Только не говори, что все еще о нем мечтаешь! Он ведь больше тебе не муж... да на самом деле и не был мужем.

При этих словах Джейн вдруг густо краснеет. Я понимаю, о чем она думает: наш брак не был *консумирован*. Хотя, сказать по правде, я в этом не уверена. Я ведь не очень понимаю, что значит «консумирован». Официальная версия гласит: да, нас поженили, и я прожила месяц под одной крышей с ним и его родителями, но мы ведь еще дети – так что

друг к другу нас не подпускали. А потом, когда начались все эти беды и Джейн посадили в Тауэр, Герберты поспешили отдалиться от Греев. Меня отослали к родителям – чистую, нетронутую деву тринадцати лет. Но это не совсем правда. Иногда нам удавалось ускользнуть от докучных взрослых и улучшить несколько минут вдвоем. До сих пор вспоминаю его торопливые руки, нетерпеливые поцелуи – и внутри что-то сладко сжимается. И это не все: еще он трогал меня *прямо там!* Интересно, это и значит «консумировать брак» или нет?

В спальне для младших фрейлин по ночам мы много об этом шепчемся; но беда в том, что никто из нас доподлинно не знает, что происходит в супружеской постели. Кузина Маргарет говорит: чтобы консумировать брак, мужчина должен расстегнуть ширинку. Я почти уверена, что ширинка у Гарри оставалась зашнурована, однако в темноте и в такой суете точно не скажешь. Магдален Дакр говорит, можно забеременеть от поцелуя, если слишком глубоко засунуть язык, а Фрэнсис Невилл – что забеременеть можно, если мужчина потрогает тебя *там*. Все мы видели, как спариваются во дворе собаки; но, должно быть, девочкам просто невыносимо верить, что Бог создал нас животными и повелел зачинать детей по-звериному. Хотя... никогда не признаюсь вслух, только в этой мысли есть что-то странно возбуждающее.

– О боже, взгляни на мои туфли!

Уже поднимаясь по лестнице, я замечаю, во что превратились мои любимые бальные туфельки. Все в грязи, белый кожаный верх – в розовых разводах от красной краски с намочшего подола. От мысли, что я просто так, ни за что, взяла и погубила любимую вещь, у меня сердце обрывается.

– Туфлям конец, – говорит Джейн Дормер, и я чувствую, как подступают к глазам необъяснимые слезы.

К нам подходят, цокая каблуками, двое мужчин, разоде-тых в пух и прах, на испанский манер. Дворец сейчас просто кишит испанцами. У этих смуглая кожа и темные глаза; взгляды их с одобрением задерживаются на нас. Судя по легкой улыбке на губах того, что покрасивее, ему нравится то, что он видит. Испанцы кланяются и снимают шляпы. Джейн идет мимо, не поднимая глаз, а я протягиваю руку. Увы, берется за нее не красавчик, а второй, весь в прыщах – и пялится на меня так, словно вот-вот проглотит.

Почему, интересно, когда мужчины ходят по двое, всегда бывает, что один хорош собой, а другой нет? Прыщавый смотрит на меня с какой-то собачьей жадностью: вообще-то я люблю собак (говорят даже, что чересчур люблю – у меня их пять), однако не таких, как этот испанец. Его голодный взгляд мне не по душе. Второй немолод – я бы сказала, ему лет тридцать пять; но отлично сложен и в своем роскошном наряде выглядит просто великолепно! Жаль, что по мне он только скользит взглядом, а дальше начинает пожирать глазами Джейн. Ее взор скромно опущен в землю; его же взгляд

прыгает, словно рыба, готовая попасться на крючок.

– Что за прекрасная ткань! – говорю я и легонько провожу пальцем вверх по его винно-красному рукаву, чтобы он обратил внимание и на меня.

– *Gracias*⁵, – бросает он, едва взглянув в мою сторону.

Похоже, Джейн Дормер совершенно очаровала испанца: когда она наконец поднимает на него ласковые карие глаза – смотрит так, словно никакая сила его от нее не оторвет. Приходится признать: это состязание я проиграла. Но я охотно уступлю Джейн: она такая лапочка!

– Ви позволить мне себе... себя пре-до-ставить?

Эту английскую фразу он выдавливает с таким трудом, что я едва сдерживаю смех. Но Джейн, воплощенное самообладание, смотрит спокойно и серьезно, и отвечает без тени насмешки:

– С превеликим удовольствием.

– Гомес Суарес, граф Фериа, – сообщает он с новым, еще более глубоким поклоном.

Джейн, похоже, поражена до потери речи тем, что ею заинтересовался испанский граф, так что я прогоняю с лица усмешку и бросаюсь ей на помощь:

– Милорд, это Джейн Дормер, а я леди Кэтрин Грей.

– Жэ-ейн Дор-ма... – повторяет он, и я, не удержавшись, фыркаю. Граф едва ли замечает мою невежливость – он смотрит на Джейн так, словно ему явилась Пресвятая Дева. –

⁵ Благодарю вас (*исп.*).

*Delectata!*⁶ – продолжает он по-латыни.

– *Ego etiam*⁷, – отвечает она.

Вот когда я жалею, что не уделяла должного внимания латыни! Старая няня, когда заставляла меня над тетрадками в слезах от того, что даже малышка Мэри умнее меня, всегда приговаривала: «Ничего, милая, ты у нас такая красавица, что можешь не тревожиться обо всем остальном!».

– *Si vis, nos ignosce, serae sumus*⁸, – добавляет Джейн и берет меня за руку, чтобы уйти.

– *Vos apud nuptias videbo*⁹, – отвечает Фериа. Единственное понятное мне слово – «*nuptias*»; оно означает «свадьба».

Когда мы входим в коридор, я подталкиваю Джейн локтем и шепчу:

– Кажется, ты кому-то приглянулась!

– Не одной же тебе всех очаровывать, – смущенно улыбнувшись, отвечает она.

– Нет-нет, этот точно твой!

Джейн понимает: я хочу, чтобы меня желали все вокруг. Это сильнее меня. К тому же помогает отвлекаться и забывать... обо всем, о чем хочу забыть. Я обращаюсь мыслями к Гарри Герберту, с радостным возбуждением от того, что скоро его увижу. Он где-то среди англичан, сопровождаю-

⁶ Очень рад (*лат.*).

⁷ Я тоже (*лат.*).

⁸ Если вы позволите, мы опаздываем (*лат.*).

⁹ Увидимся на свадьбе (*лат.*).

щих Филиппа Испанского. Хорошо, что я упросила Магдален Дакр одолжить мне туфли на деревянной подошве, в которых кажусь выше ростом! Она говорит, в них невозможно ходить: но я все утро расхаживала взад-вперед по коридору, привыкла к толстым подошвам и, кажется, неплохо с ними справляюсь. «Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...», – шепчу я на бегу, устремляясь в покои младших фрейлин, чтобы переодеться.

Когда я, торопливо поправляя чепец на голове, вхожу в покои королевы, все уже готовы идти. Сюзен Кларенсьё строит процессию, громовым голосом объявляя каждому его место. Разумеется, тут начинаются споры о том, кому куда встать. *Матап* пристраивает Мэри и меня на место, по праву нам принадлежащее – почти в самое начало процессии, позади нее самой и графини Леннокс, еще одной кузины королевы со стороны Тюдоров; но кузина Маргарет начинает возмущаться – она хотела идти в паре со мной. Маргарет пробирается сквозь толпу, пытается оттереть Мэри плечом; чтобы защитить сестру, мне приходится дать ей хорошего тычка, смерить сердитым взглядом, да еще, как бы невзначай, наступить на ногу – а в тяжелой туфле с толстой подошвой это должно быть больно! Но все это время я думаю: будь жива сестрица Джейн, она сейчас шла бы в паре со мной, а Маргарет – с Мэри. Подобные мысли гложут меня изнутри; и еще хуже становится, когда я вспоминаю, что в соборе, где ждут джентльмены, нас не встретит отец, такой статный

и красивый в своем парадном камзоле. Думать об отце совсем не могу. Я глубоко вздыхаю, чтобы не дать пролиться слезам, щиплю себя за щеки, кусаю губы. «Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...»

Венчание, свадебный пир – а дальше слуги убирают посуду, выносят столы, и начинаются танцы. Испанцы сгрудились с одной стороны зала: физиономии мрачные – никто не улыбнется! Англичане, столпившись у другой стены, меряют их враждебными взглядами. Не свадьба, а поле боя! Муж королевы хмурится: ему подали ужин на серебре, а ей на золоте. Впрочем, даже угрюмый он очень недурно выглядит. У него лицо Габсбурга, вытянутое и с тяжелой нижней челюстью, но фигура отличная; и я задумываюсь о том, чем же королева – она совсем потерялась в своем роскошном свадебном наряде, и тяжелые драгоценности словно гнут ее к земле – надеется привлечь внимание молодого мужа.

Гарри Герберт находит меня взглядом – уже в тысячный раз за сегодняшний вечер – и посылает воздушный поцелуй, а я делаю вид, что ловлю его и прижимаю к сердцу. Во время службы, когда всем нам полагалось молиться о том, чтобы Бог дал королеве наследников, мы с Гарри глаз друг с друга не сводили. Я увидела его, когда процессия поднималась по ступеням в собор, и едва удержалась, чтобы не броситься ему навстречу. Когда я проходила мимо, он тряхнул головой, отбросив с глаз темную челку, улыбнулся – и я испугалась, что рухну без чувств.

Гости выстраиваются в два ряда для паваны¹⁰: джентльмены с одной стороны, дамы – с другой. Гарри Герберт направляется ко мне, но его отец ловит его за руку и отправляет танцевать с одной из сестер Тэлбот. Хуже того – напротив меня оказывается тот испанец с голодным собачьим взглядом, приятель графа Фериа: он совсем не умеет танцевать, постоянно поворачивает меня не в ту сторону. По правде сказать, еще и туфли на деревянной подошве страшно натирают ноги; так что при первой возможности я извиняюсь и, оставив прыщавого испанца на попечение кухни Маргарет, подсаживаюсь к Мэри, которая сидит здесь совсем одна. Все наши девушки скорее умрут, чем окажутся рядом с Мэри на глазах у кавалеров – все кроме Пегги Уиллоуби с заячьей губой, но Пегги уже ушла спать. Пожалуй, только здесь, при дворе, я поняла, насколько Мэри отличается от всех. Разумеется, я знала, что она горбунья, однако дома это ничего не значило: там она была просто Мэри, наша маленькая Мышка. А здесь мне приходится защищать ее от фрейлин; они иногда хуже гадюк!

Мэри сидит, прислонившись головой к стене. Когда я подхожу, она зевает и говорит устало:

– Хотела бы я уже пойти спать!

Мне хочется обнять нашу малышку, но не стоит – Мэри этого не любит. Говорит, слишком часто ее тискали, верте-

¹⁰ Павана, или Важный танец – торжественный медленный танец, распространенный в Европе в XVI веке, и музыка к этому танцу.

ли и тянули в разные стороны – и доктора, и знахарки, что старались выпрямить ей спину. Растягивали, привязывали к доске, поили мерзкими на вкус зельями, чтобы размягчить кости. Были и священники с молитвами, а один у нас в Брэдгейте даже попытался изгнать из сестры дьявола. Но Мэри осталась такой же, как была. Я сцепляюсь с ней мизинцами: это у нас вместо объятий.

Гарри Герберт танцует с Магдален Дакр, и они вместе смеются какой-то шутке. Смотреть на это невозможно – невозможно и отвести взгляд. Он берет ее за руку, и внутри у меня словно что-то скручивается в тугий узел.

– У меня есть новости, – говорит Мэри.

– О чем?

– О *taman...* – Тут она останавливается, и я сразу начинаю подозревать худшее. Что на этот раз? Хочется заткнуть уши и громко запеть, только бы не слышать, не слышать новых дурных вестей! Еще одной беды я не выдержу.

– Что-то дурное?

– Нет-нет, хорошее! – отвечает она, подняв на меня круглые карие глаза, большие, словно у новорожденного олененка.

– Так что же? – Гарри Герберт что-то шепчет Магдален на ухо, и мне нужно срочно от них отвлечься.

– Она собирается выйти замуж.

Обмен партнерами: Гарри передает Магдален пухлому испанцу, а сам с поклоном протягивает руку кузине Марга-

рет... И тут до меня доходит, *что* я только что услышала.

– *Maman*? Замуж?! Да что ты, Мышка! Это просто сплетни.

– Нет, Киска, я слышала от нее самой.

Ну почему ей *taman* все рассказывает первой? В оленьих глазах Мэри мне теперь чудится лисья хитрость – и вспыхивает старая зависть, какую я обычно испытывала к Джейн. Но я напоминаю себе: это же наша Мэри, бедная малышка Мэри, и она не желает мне зла.

– *Maman* сказала мне, что надумала выйти замуж за мистера Стокса.

– За Адриана Стокса? Быть такого не может! Он же ее конюший – попросту слуга! Да и королева никогда не позволит...

– Королева уже дала разрешение, – отвечает Мэри.

– Это *taman* тебе сказала? – Мысли лихорадочно мечутся; во мне поднимается гнев при мысли, что отца, лучшего человека на свете, *taman* променяла на какое-то ничтожество из конюшни! – Как она могла?!

Тоска по отцу врезается в грудь нестерпимой болью. Я была его любимицей.

– Я думаю, – тихо отвечает Мэри, – она просто хочет, чтобы на этом все закончилось. Она сказала, что выходит замуж за человека простого звания, чтобы покинуть двор и увезти нас отсюда подальше. Туда, где мы будем в безопасности.

– В безопасности? – выплевываю я.

– И потом, Киска... она его любит.

– Такого не может быть, – твердо отвечаю я. – Ее мать была сестрой короля Генриха и королевой Франции! Такие высородные дамы, как *tatan*, не влюбляются в собственных слуг! – Хотя кому же, как не мне, знать, что любовь приходит, когда не ждешь, соединяет самые неподходящие на вид пары и не желает прислушиваться к голосу разума?

Но невозможно думать о том, что *tatan* покинет двор, поселится где-то в глуши, будет жить словно простолюдинка и из герцогини Саффолкской превратится в мистрис Стокс! Эта мысль грызет меня, будто червь под кожей. Знаю, надо за нее порадоваться, но вместо этого говорю:

– А ты покинешь двор вместе с ней?

– Не знаю, Киска. Может быть, королева меня и не отпустит; ведь я у нее вроде ручной обезьянки, – добавляет она с необычной для себя горечью.

– О, Мышка! – Прилив нежности к сестре заставляет забыть, что только что я негодовала и завидовала ее близости к *tatan*. Это же она, наша маленькая Мышка! – Знаешь что? Давай я потихоньку выведу тебя отсюда и отведу в спальню. Никто не заметит!

– Смотри, – говорит она, приподняв подол моего платья, – у тебя кровь на ноге! Должно быть, туфлей натерло. Когда уйдем, я перевяжу тебе ногу.

Все мои благие намерения летят в тартарары, когда, подняв глаза, я вдруг вижу перед собой Гарри Герберта. Теплый,

пахнувший миндалем, с улыбкой победителя он обнимает меня за талию и шепчет:

– Пойдем со мной в сад, пока никто не смотрит!

Я знаю, что должна отказаться. Мне нужно проводить сестру в спальню, нам с ней есть о чем поговорить... но Гарри смотрит на меня своими зелеными, как весенняя листва, глазами – и я ничего не могу с собой поделать. Это сильнее меня.

– Сейчас вернусь! – говорю я Мэри и позволяю увлечь себя прочь, забыв о натертой ноге, забыв обо всем.

В саду тепло, в небе висит полная луна и освещает нас мягким серебристым светом.

– Держи, – говорит Гарри и передает мне флягу. Я подношу к губам, глотаю – и жидкость обжигает мне горло. Я закашливаюсь, потом смеюсь, и он со мной вместе.

– Гарри Герберт! – говорю я. – Гарри Герберт, это правда ты?

– Это правда я, милая моя Китти Грей!

Я срываю с него шляпу, зарываюсь пальцами ему в волосы.

Мы стоим посреди маленького садика, на густом травяном ковре. Тисовая изгородь скрывает нас от посторонних глаз. Миг – и мы падаем на траву, и он уже возится с моей шнуровкой, а я прижимаюсь губами к его шее, чувствуя солоноватый вкус пота.

– Мы все еще муж и жена! – шепчет он, просунув руку

мне за корсаж.

– Значит, это не грех, – смеюсь я. – А жаль!

– Ах ты, шалунья Китти! Отец меня отходит кнутом, если нас застукает!

Я приспускаю с плеч верхнее платье, сбрасываю чепец. Падаю на спину, раскинув руки, рассыпав волосы по влажной траве. Гарри надо мной, залитый лунным светом; с лица не сходит улыбка.

– Как же я скучал по тебе, Китти! Как я тебя хочу! – шепчет он, лаская мне кожу жарким дыханием. Потом приникает к моим губам – и я наконец чувствую, что снова живу.

Мэри

Уже целую вечность я жду Кэтрин. Похоже, она не вернется. Меня гложет тревога; как бы этот Гарри Герберт не навлек на нее беду. Отец его, Пемброк, уже ищет его среди танцующих. Один раз мне показалось, что в толпе ближе к дверям мелькнуло бледное золото волос Кэтрин, но я ошиблась; у той девушки нет ни пухлых губ, ни сияющих глаз моей сестры. Просто кто-то на нее похожий. Мое одиночество обращает на себя внимание; я чувствую на себе липкие любопытные взгляды. На Кэтрин глазают из-за ее красоты, на меня – из-за уродства. Платье тесно, корсаж врезается в бока; я думаю о том, чтобы потихоньку уйти одной, однако понимаю, что не смогу без чужой помощи развязать шнуровку на спине, а Пегги, должно быть, уже спит сном младенца. *Maman* занята – прислуживает королеве. Хочу даже разыскать мистрис Пойнтц, но представляю себе, как она на меня посмотрит и что скажет – и от этой мысли отказываюсь.

Я решаю подождать еще, а пока наблюдаю за тем, как королева пожирает глазами молодого мужа. Тянется к нему, как цветок к солнцу – он же не может скрыть разочарования. Интересно, чего он ожидал? Может, королева прислала ему портрет, где она красавица – вроде тех моих портретов, что заказывала *maman*, на которых у меня нет никакого горба? Чем дольше я смотрю на новобрачных, тем сильнее меня

грызет ненависть к ним обоим. Ведь из-за этого брака, уже очевидно неудачного, моя сестра лишилась жизни.

Никогда не забуду день, когда я узнала, что стоит за этим обручением. Был конец зимы; только что подавлен мятеж реформатов. Придворные дамы, и я вместе с ними, не спали всю ночь – сгрудились толпой в женских покоях в Сент-Джеймском дворце и, оцепенев от ужаса, ждали мятежников. Где-то там, среди восставших, был отец, но тогда я этого еще не знала. Слышала, как *taman* шепчет Левине: если мятежники ворвутся во дворец, будет «кровавая баня». Тогда я не догадывалась, что это значит – теперь-то мне известно гораздо больше. Еще *taman* сказала, что всем нам надо тайно молиться за успех мятежа: ведь, если королеву сбросят с трона, Джейн выйдет из Тауэра. Только, упаси боже, никому об этом ни слова! Случилось в тот день немало, и многое до сих пор остается мне неясным. Мне никто ничего не объясняет – думают, я слишком мала. Но я знаю и понимаю больше, чем людям кажется.

После той ночи я и узнала ужасную правду. Вот как это случилось. Королева отдыхала у себя в покоях; я сидела, как она любит, у нее на коленях, и растирала ее тощую, словно птичья лапа, руку. Королеву вечно осаждают боли и недомогания.

– Сильнее, Мэри!

И Незабудка у себя в клетке захлопала крыльями и сипло повторила:

– Сильнее, Мэри! Сильнее, Мэри!

Я стала растирать сильнее, хоть и опасалась, как бы запыстье королевы – кость, обтянутая кожей, – не хрустнуло у меня под пальцами. Она напевала себе под нос какую-то мелодию, повторяя вновь и вновь одну и ту же строку, и не сводила глаз с миниатюры, изображающей ее будущего мужа. Смотрела и вздыхала так, словно очень счастлива – или уж очень несчастна. Или то и другое вместе. Должно быть, это и есть любовь. Судя по Кэтрин, в любви нет никакой логики.

– А теперь легче, Мэри! Легко, как перышко! – приказала она.

Я стала поглаживать ее руку легко, кончиками пальцев, едва касаясь сухой кожи и жестких темных волосков на ней. У королевы много волос на теле; ноги у нее словно шерстью покрыты. Когда я спросила Кэтрин, у всех ли женщин так, она ответила: нет, у нормальных женщин совсем иначе – и в доказательство продемонстрировала собственную ногу, стройную и гладкую, как масло.

– Это потому, что она наполовину испанка, – сказала сестра. – А испанцы, говорят, все волосатые, как медведи.

Вдруг послышался какой-то звук – едва заметный, словно скрип половицы. Королева прекратила петь, прислушалась. Звук повторился. Легкий стук камешка, брошенного в окно.

– Привяжи рукав¹¹, Мэри, – приказала королева, протяги-

¹¹ Рукава в дамском костюме XVI века были съемными и крепились к платью с помощью завязок.

вая мне руку.

Незабудка заколотила клювом по решетке и хрипло повторила:

– Привяжи рукав! Привяжи рукав!

Я начала возиться с завязками: почувствовала нетерпение королевы, и от этого сделалась неуклюжей. Она столкнула меня с коленей.

– Платье! Чепец!

Я принесла ей верхнее платье и помогла облачиться, радуясь тому, что жесткая золотая парча не дает заметить мою неуклюжесть. Королева взяла свечу, подошла к окну, замерла на мгновение, вглядываясь во тьму, а потом вернулась в кресло. Велела подать ей Библию и четки, мне указала на подушку у своих ног. Выпрямилась, гордо подняв подбородок, и застыла, словно играет королеву на маскараде, а я замерла с ней рядом на полу, как собачонка.

У дальней стены слышались шаги, а затем... мне показалось, что прямо из стены, как призрак, перед нами появился человек в плаще с капюшоном. Должно быть, я разинула рот, потому что королева толкнула меня в плечо и приказала:

– Мэри, не лови мух!

Незнакомец вышел на середину комнаты, сбросил плащ вместе с капюшоном и склонился в учтивом поклоне. Я узнала в нем Ренара, имперского посла. Едва увидев его, королева словно пробудилась к жизни – как будто он стал искрой, разжегшей в ней пламя. Я не раз встречала во дворце Ренара

со свитой, отмечала его безупречные манеры – и невольно задумывалась о том, что таится за этой вкрадчивой любезностью.

– Вы принесли нам вести от нашего нареченного? – спросила королева, тяжело дыша, словно после быстрого бега.

– Вы совершенно правы. – И он извлек из-под дублета какой-то сверток.

Королева, казалось, за миг помолодела лет на десять. Да что там – сейчас она походила на ребенка, с нетерпением ждущего сладостей. Подарок приняла с несколько большим нетерпением, чем требует этикет, торопливо развернула – радостно ахнула и поднесла к свече, любуясь кольцом на ладони.

– Изумруд! Наш любимый камень! – воскликнула она, надела кольцо на палец и стала поворачивать так и сяк, наблюдая за игрой света на нем. – Как он сумел так угадать?

Кольцо было огромное – совсем не для ее тощих, словно птичьи когти, пальцев; и я не сомневалась, что где-то его уже видела. Точно: на мизинце у самого Ренара. Вечно я замечаю то, чего не замечают другие.

А королева краснела и ворковала, словно счастливая невеста.

– Взгляните, как он преломляет свет! – восклицала она. – Скажите, это кольцо самого Филиппа? Он его носил? Что это за гравировка здесь? *SR*. Что это, Ренар, – какой-то тайный язык любви?

– *Semper regalis*, – откликнулся он, пожалуй, чересчур поспешно.

– «Вечно царствующая»! – повторила она.

– *Semper regalis!* – хрипло выкрикнула Незабудка; это дало Ренару повод вежливо посмеяться и отпустить какой-то комплимент о том, что, мол, только у нее попугай мог с такой легкостью выучить латынь.

А я не могла понять, как Мария, королева Англии, женщина, получившая образование у лучших в стране учителей, только накануне противостоявшая армии мятежников, не замечает очевидного: буквы SR – еще и первые буквы его имени! *Simon Renard*. Мне всего девять – хотя, правду сказать, я умнее большинства своих сверстниц – но мне все ясно как день. Никакой это не дар любви от будущего мужа! Это хитрость самого Ренара: взял первую попавшуюся безделушку и выдал за подарок от испанского принца.

Кольцо с изумрудом – обман. Такой же, как когда мне говорят: «Ты не столь мала ростом, Мэри, и горб у тебя совсем незаметный, и ты непременно выправишься, когда подрастешь». Обманывают, чтобы я не огорчалась из-за своего уродства – но, как по мне, лучше знать правду. Однако королеву, похоже, обман Ренара вполне устраивает. Я не раз замечала: люди верят тому, чему хотят верить.

– Император просит передать вам свои поздравления по случаю победы над мятежными еретиками и восхищение вашей твердостью. «Такую королеву, – изволил сказать он, –

не запугать и не победить. Мне не найти лучшей пары для моего сына».

– Благодарю вас, – выдохнула королева. Сейчас она напоминала маленькую птичку, что надувается и пушит перья, воображая себя орлицей.

– Ах да, еще он упомянул о вашем благочестии.

Королева медленно прикрыла и вновь открыла глаза; на губах ее играла легкая улыбка.

– Однако... – деликатно кашлянув, продолжил Ренар.

– Что?

– Та девица... Ее нельзя оставлять в живых.

– Но она – наша родственница! – возразила королева.

– Император на этом настаивает. В стране неспокойно, слишком много недовольных – реформаты, еретики... – Он остановился. – Слишком велика опасность для вашей короны.

Я думала, что они говорят о сестре королевы, Елизавете – ведь мятежники пытались ее посадить на трон.

– Но она еще так молода! – Радостное возбуждение королевы как рукой сняло; теперь она съежилась, словно от холода, и нервно потирала руки. Терла и терла, будто пыталась смыть с них чернила. – Мы с ней провели очень много счастливых дней в Больё!

Помню, как тогда я подумала: ведь дворец в Больё и мне хорошо известен. Мы не раз ездили туда в гости, когда Мария еще не была королевой. Помню, как она всегда привет-

ствовала нас словами: «Мои любимые кухни!» Помню, как Джейн отказывалась преклонять колени перед святыми дарами в тамошней часовне, а взрослые говорили: «Ничего, вырастет – поумнеет».

Сейчас уже не то. Мария стала королевой, и все мы должны следить за тем, чтобы выглядеть добрыми католиками – это все время повторяет *tatan*.

– Ренар! – сказала королева странным голосом, резким и дрожащим. – Это невозможно! – Она поднялась с кресла; Библия и четки со стуком упали на пол. – Вы не понимаете! Мы любим эту девушку. Мы никогда не согласимся ее казнить!

Королева ходила взад-вперед, а Ренар следил за ней взглядом. Обо мне они, похоже, совсем забыли.

– Казнить ее мужа... хорошо, на это мы можем пойти. Все эти Дадли – предатели до мозга костей. Но ее... она наша кухня – и еще совсем ребенок!

Только тут я начала понимать. Осознание пришло постепенно, как тень заволакивает зрение. Они говорят не об Елизавете, а о моей сестре Джейн и ее муже Гилфорде Дадли! Я невольно ахнула. Оба обернулись ко мне; лицо королевы исказилось болью, на лице Ренара... что это было? Стыд? Надеюсь, ему хотя бы стало стыдно.

– Ее сестра! – воскликнула королева свистящим шепотом, указывая на меня. – Это же ее сестра! – Она рухнула в кресло, закрыла лицо руками. – Нет, невозможно!

– Ее сестра! Ее сестра! – повторила Незабудка.

Ренар опустился перед королевой на колени.

– Император... – начал он. – Император расценит это как знак вашей преданности его сыну.

– О чем вы говорите? – Глаза ее гневно сверкнули. – Так это условие?.. – Она оборвала себя. Испустила долгий неровный вздох. – Принц Филипп – или Джейн Грей?

Я хотела закричать, подать какой-то знак, что я здесь и все слышу, но словно окаменела. Не могла ни шевельнуться, ни издать и звука.

– Не стал называть это условием, – с вкрадчивой мягкостью ответил Ренар. – Император – он ведь тоже кузен вашего величества – желает лишь одного: спокойствия и безопасности в ваших владениях. Я уже упоминал о том, как высоко он ценит ваши достоинства.

– Но... – начала она. И умолкла.

– Что же касается принца Филиппа – да простится мне такая вольность, мадам, но он ждет этой свадьбы с величайшим нетерпением. Свою невесту – вас, дражайшая моя королева, – он считает... – Ренар остановился, словно подыскивая подходящее слово, – считает *несравненной*.

Королева молчала и крутила на пальце кольцо с изумрудом. Огромное кольцо, что на ее птичьей лапке смотрелось злой насмешкой. Я по-прежнему не могла шевельнуться, опустошенная непониманием и ужасом. Джейн... наша Джейн... моя добрая сестра, в жизни никому не причинив-

шая зла...

Королева нагнулась ко мне, схватила под мышки и снова посадила, как куклу, себе на колени. Сжала так, что я начала задыхаться в ее объятиях. Выдохнула мне в ухо какой-то непонятный звук – то ли долгий стон, то ли заглушенное рыдание. Золотая парча ее платья царапала мне лицо, в ноздри бил резкий запах померанцевого масла, которое она втирала себе в грудь. В этот миг я отчаянно желала, чтобы меня обняла *tata* – только ее объятия я способна переносить. Но *tata* здесь не было.

– Можете идти, Ренар, – сказала королева.

Только когда он ушел, она разжала объятия.

– Ох, Мэри, малютка Мэри! Многого требует от нас Господь!

Не глядя на меня, она потянулась за четками, начала их перебирать, шепча молитву. Мне невыносимо хотелось спрыгнуть с ее колен и бежать прочь – из этой спальни, из дворца, подальше от королевы.

– Можно мне уйти? – прошептала я, вклинившись в паузу между молитвами.

– Разумеется, милая Мэри, беги играть, – вот и все, что она ответила. Ни слова о моей сестре, которую она обрекла на казнь.

Я уже взялась за дверную ручку, когда она позвала:

– Мэри!

Я замерла. Обернулась к ней, надеясь хоть что-нибудь

услышать.

– Пришли ко мне Сьюзен Кларенсьё и Джейн Дормер.

Вся сила духа потребовалась мне тогда, чтобы молча выйти из комнаты.

Кто-то кладет мне руку на плечо.

– Пойдем, *ma petite cherie*, я уложу тебя в постель.

Пришла *maman*! У меня страшно затекла шея: должно быть, я задремала – хоть и не знаю, как мне это удалось в грохоте музыки и топоте танцующих.

Maman берет меня на руки и уносит прочь – но не в покои младших фрейлин, а в свои собственные, кладет на широкую кровать и начинает расшнуровывать на мне платье.

– А как же ваши соседки? – спрашиваю я сонно, вспомнив, что эти покои и эту кровать она делит с другими дамами.

– Не беспокойся, Мышка, – отвечает она. – Я с ними договарюсь. – *Maman* снимает с меня наряд, слой за слоем, пока я не остаюсь в одной сорочке – и тону в пуховой перине, словно в облаке. – Так лучше? – спрашивает она.

– Лучше, – отвечаю я.

Некоторое время мы сидим молча; она гладит меня по голове. Но я все думаю о Джейн – в ее истории многое осталось для меня непонятным, и чем больше об этом думаю, тем сильнее голова пухнет от вопросов.

– *Maman*, – спрашиваю я, – а почему Джейн сделали ко-

ролевой?

– Ох, Мышка, не стоит...

– Только не говорите, что я еще маленькая! Пожалуйста, *tata*, расскажите мне все! Я уже достаточно большая, чтобы знать правду.

Я видела наше фамильное древо: огромный пергаментный свиток, и на нем искусно изображенное дерево со множеством позолоченных ветвей и зеленых побегов, между которыми снуют птички и мелкие зверьки, а с веток свисают гроздьями, словно спелые плоды, крохотные портреты. Как-то раз отец разложил его на полу у нас в Брэдгейте и показал мне и сестрам, с какой стороны мы родня королям. Вот, сказал он, первый король из рода Тюдоров, Генрих Седьмой, наш прадед; и дальше его палец заскользил по лабиринту ветвей, показывая всех наших кузенов и кузин и родственные связи с ними.

– Молодой король Эдуард – *pauvre petit*¹² – назначил ее своей наследницей. Ведь мальчиков в роду не осталось.

– А как же Мария и Елизавета?

– Его сестры? Видишь ли, не все соглашались с тем, что они рождены в законном браке. А твоя сестра Джейн подходила как нельзя лучше: сторонница новой веры, благочестивая, ученая и в том возрасте, когда может произвести на свет наследника престола – идеальный выбор... – Она осекается и сглатывает, словно не желая выпускать наружу свои чувства.

¹² Бедный малыш (*фр.*).

– *Maman*, но почему выбрали Джейн, а не вас?

– Ох, *cherie*, – отвечает она, поникнув головою. – Я отказалась от прав на престол – ради нее.

Пытаюсь уложить в голове это новое известие, встроить его в общую картину, понять, что это значит.

– Значит это вы?.. – Я вовремя останавливаюсь, чтобы не спросить: «Значит, это вы во всем виноваты?..» – хотя именно так и думаю.

Глаза у *maman* блестят от слез, и я протягиваю ей свой носовой платок. Она принимает его, не глядя на меня.

– С этим мне предстоит жить и умереть, – говорит она. – *J'ai honte, jusque au coeur*.

– «Стыдитесь этого всем сердцем»... – повторяю я. – Зачем вы так поступили?

Она снова вздыхает, словно надышалась отравленным воздухом и пытается проветрить легкие.

– Твой отец, Мышка, в то время попал в сети Нортумберленда, лорда-протектора. Повиновался ему, как слуга, на все смотрел его глазами. Я постоянно повторяю себе, что у меня не было выбора. Но правда ли это... – Она обрывает себя. – Знаешь, Мышка, мы иногда себя обманываем. Станешь постарше – узнаешь сама.

Огонек свечи трещит и бросается в стороны; в комнате становится темнее.

– Когда Нортумберленд узнал, что молодой король Эдуард умирает, то сговорился с твоим отцом: хотел женить на

Джейн своего сына, Гилфорда Дадли. – Ее глаза вспыхивают гневом. – На это я согласия не давала! Но что стоило мое слово против их слов?

Наконец я начинаю что-то понимать! Из разрозненной мозаики в голове складывается картинка.

– Значит, Нортумберленд желал, чтобы королем стал *его сын*?

– Нортумберленд одурачил твоего отца, заразил его своим честолюбием и заманил в ловушку. Этот путь всегда ведет на плаху.

Матан смотрит на меня, подперев подбородок рукой. Тусклый свет свечи играет в ее каштановых волосах, подчеркивает скульптурные очертания бледного лица. У нее чистая белая кожа, точеные черты, как у Джейн. Я вдруг понимаю, что все мы и вправду связаны нерасторжимыми узами, все мы – плоды на золотых ветвях одного дерева. У всех нас в жилах течет королевская кровь... и это порождает новый неизбежный вопрос.

– А Киска? – спрашиваю я. – Она ведь следующая после Джейн! Многие не хотят видеть на престоле католичку – что, если кто-то попытается ее посадить на трон?

Матан отводит глаза и, глядя в пол, шепчет:

– Господи, только бы не это! – И повторяет по-французски, уже спокойнее: – *Dieu nous garde*¹³.

Я молчу; кажется, что вокруг нас сгустилась тьма.

¹³ Сохрани нас Господь! (*фр.*).

– Будем молиться, – добавляет *taman*, – чтобы этот брак с испанцем принес короне наследников.

– А когда вы выйдете замуж, – говорю я, меняя тему, – мне позволят покинуть двор и уехать с вами? Что, если королева захочет, чтобы я осталась?

– У королевы теперь есть муж и, если Бог будет к нам милостив, скоро появится ребенок.

Я понимаю: она имеет в виду, что, став матерью, королева избавится от потребности нянчить меня, как куклу.

– Это все, чего я хочу, *taman* – быть с вами.

– Так и будет. – Она достает из-за корсажа ароматический шарик, кладет на подушку, и меня окутывает нежный аромат лаванды. – Спи, моя маленькая. Это поможет тебе уснуть.

– *Maman*, иногда я думаю, что со мной будет? Никто не захочет взять меня в жены, хоть во мне и течет королевская кровь. – Разве только, с горечью думаю я, найдется какой-нибудь благородный юноша с одной ногой или с двумя головами – другому я не подойду.

– Не терзай себя такими мыслями, Мышка. *Ne t'inquiètes pas*¹⁴.

Но терзать себя мыслями неизбежно – не этими, так другими. Так страшно потеряв отца и сестру, я поневоле страшусь за остальных в семье – и думаю о том, что же будет теперь с Кэтрин. Ведь она следующая. А что, если я потеряю и *taman*, и остаток своих дней проведу сиротой под опе-

¹⁴ Не мучай себя (*фр.*).

кунством короны? Меня будут таскать из дворца в дворец, как ненужную вещь... Знаю, грешно думать только о себе, — но страх снедает меня, как лихорадка. Я закрываю глаза и заставляю себя думать о другом будущем: о тихой простой жизни где-нибудь в деревне, подальше от королей и королевских дворов. Там, где девочек не превращают в пешки в игре престолов.

Левина

Ладгейт, июль 1554

Левина любит спящим сыном. Маркус беззаботно раскинулся на скамье во внутреннем дворе дома; у его ног так же безмятежно дремлет на солнышке Герой. Трудно поверить, что шестнадцать лет назад она качала сына на руках – крохотного, завернутого в пеленки; теперь Маркус становится мужчиной, и совсем скоро ей придется сделать то, с чем трудно смириться каждой матери – отпустить сына в свободный полет. От этой мысли сжимается сердце. Маркус появился на свет намного раньше срока, никто не верил, что он выживет. Иные шептались: чего еще ждать, когда женщина занята мужской работой! Все эти краски и растворы, с которыми она возится, отравили ее чрево – у такой женщины и не мог родиться здоровый ребенок! Только Маркус выжил, окреп, вырос здоровым и сильным. Сплетницам из Брюгге пришлось прикусить языки. Любопытно, что бы они сказали, если бы узнали, что после Маркуса она потеряла способность иметь детей? Наверное, радовались бы, ведь оказались правы. Однако их семья переселилась в Лондон, а Брюгге превратился в отдаленное воспоминание. Ладгейтские кумушки при встречах демонстрируют ей неизменное уважение – должно быть, из-за ее положения при дворе; но в этом ощущается холодок, и она знает, все они уверены – ее занятие

гневит Бога. Кого ни возьми, в Брюгге или в Лондоне, каждый точно знает, что одобряет и чего не одобряет Бог! Левина в подобные разговоры не вступает. На ее взгляд, отношения с Богом – личное дело каждого, тем более теперь, когда на троне католичка.

Она разворачивает на столе бумажный лист и начинает рисовать своего сына и Героя, который привстал и положил голову юноше на колени. Из-за стены доносится уличный шум: бродячие торговцы расхваливают свой товар, и зычно кричит какой-то недовольный, все утро протестующий против королевской свадьбы. Левина слышала его, возвращаясь с рынка, – слышит и сейчас, хоть он уже изрядно охрип. Но чего добьешься протестами? Свадьбу уже сыграли; нравится ей это или нет – у Англии теперь испанский король. Лист бумаги норовит снова свернуться в рулон, и Левина придавливает его углы четырьмя камнями, которые хранит именно для таких случаев. Камни достались ей из отцовской мастерской. Муж не понимал, зачем везти с собой в Англию самые обычные камни, когда семья и так доверху нагружена багажом – Левина объяснила, что это память об отце.

По Брюгге Левина не скучает; но ей очень недостает отца. Она понимала его разочарование: пять девчонок и ни одного мальчишки! Левина стала его любимицей: он с малолетства брал ее с собой в мастерскую, и она, затаив дыхание, любовалась тем, как чистые листы под его рукой расцветиваются изумительными красками и сложными фигурами, как вы-

растают в начале страниц причудливые буквицы, каким чистым золотом сияет позолота. Отцовская мастерская навеки запечатлелась в ее памяти. Она часами следила за его работой – за тем, как на полях какого-нибудь молитвенника отец выращивает целые дремучие леса, как сажает на ветви птиц и селит в зарослях сказочных зверей. Он мог нарисовать где-нибудь в углу страницы муху, так похожую на настоящую, что Левина, хоть и видела, как появилось на свет насекомое, невольно пыталась его согнать и ждала, что муха улетит. Уж очень сильно завораживали ее подобные чудеса!..

За спиной хлопает дверь. Герой вздергивает голову, но не лает. Беспокоиться не о чем; это вернулся муж. Левина чувствует укол раздражения: она наслаждалась тишиной и покоем, у нее как раз пошла работа, а теперь все насмарку. Женщина снова смотрит на Маркуса. Солнце опустилось ниже; яркий свет, играющий на его лице и руках, теперь чередуется с глубокими тенями. Рукава у Маркуса закатаны, и Левина замечает, что былая детская пухлость сменилась крепкими мускулами. Переводит взгляд на свой рисунок – не то! Совсем не Маркус; внешнее сходство есть, но по сути ничего общего. Смяв рисунок, она бросает его наземь. Герой кидается к нему, решив, что это мяч – вот и конец идиллической сцене. Маркус сонно ворочается на скамье, приоткрывает и снова закрывает глаза. Левина слышит, как Георг в холле разговаривает со слугой. Она берет новый лист бумаги и начинает заново; вглядывается в лицо сына, на котором иг-

рает свет и дрожащие тени листвы, с теплым чувством узнает в нем знакомые черты – широко расставленные глаза и крупный рот отцовские, круглые щеки ее собственные. Маркус больше пошел в отца: уши точь-в-точь как у него, да и большие руки, и темные волосы – все это от Георга. У самой Левины волосы белесые, точно сыворотка.

Порой она удивляется тому, что выросла в доме, полном женщин, а теперь легко управляется с семьей из одних лишь мужчин. Впрочем, при дворе достаточно женщин, чтобы с лихвой заменить ей сестер. Грей стали ей почти родными: Фрэнсис Левина считает своей ближайшей подругой, а то, что они вместе стали свидетельницами смерти Джейн, связало их еще более крепкими узами. Сблизились они много лет назад, когда утешали друг друга после смерти первой покровительницы Левины, Екатерины Парр. Станным образом эта необычная дружба строилась и крепла на общем горе. Необычная – ибо едва ли при дворе найдутся другие две женщины, столь различные по происхождению и воспитанию: Левина, дочь простолюдина-художника из Брюгге, и Фрэнсис, внучка короля. Но дружба между женщинами вообще причудлива и порой не поддается никаким объяснениям.

Сейчас Левину не оставляет страх за Фрэнсис и ее дочерей. Они до сих пор при дворе – вынуждены угождать узурпаторше, отнявшей у Джейн сперва корону, потом и жизнь. Воспоминание о Джейн давит на сердце, словно большая ги-

ря на весах бакалейщика. Левина слышала перешептывания о Фрэнсис: подругу осуждают, называют бессердечной за то, что остается при дворе, где сложили головы ее муж и дочь. Как они не понимают? Она служит Марии Тюдор, потому что королева этого требует – и для того, чтобы заручиться ее милостью и спасти от той же участи остатки своей семьи. В конце концов, права на престол, что имела несчастная Джейн, теперь перешли к ее сестре Кэтрин Грей.

Входит Георг, молча останавливается у жены за спиной и смотрит на набросок. Она не оборачивается. Георг никогда не отвлекает ее от дела; Левина благодарна ему за уважение к ее творчеству и теперь чувствует укол вины за то, что несколько минут назад была недовольна его приходом. На глаза падает прядь волос, которую Левина сдувает, не отрываясь от работы. За спиной слышится дыхание супруга. Теперь все сходится: уголь, словно по волшебству, повинуется ее желаниям, и на листе проступает рисунок, который, казалось, был здесь всегда – только теперь, благодаря какой-то таинственной алхимии, стал видим смертным. Левина выпрямляется и с улыбкой поворачивается к мужу.

– Отлично вышло, Вина! Это он – наш сын, – говорит Георг, положив руку ей на плечо.

Ласковое прикосновение для нее непривычно: муж служит в дворцовой страже, не бывает дома по несколько недель, и всякий раз после его возвращения им приходится заново привыкать друг к другу.

– Как ты, Георг? – спрашивает она. – Вид у тебя усталый.

– Не останавливайся. Мне нравится смотреть, как ты рисуешь.

– Тогда присядь, и я нарисую тебя. Вот сюда, – и она указывает на залитый солнцем табурет у окна.

Порой, когда Левина вглядывается в лицо мужа, ей кажется, что перед ней незнакомец. Где тот робкий молодой человек, что много лет назад явился к ее отцу, в дорогом, но плохо сидящем дублете и с обрезанной под корень челкой, из-за которой походил на монаха? Левина вспоминает, как, увидев его в шляпе, подумала: «А вдруг у него там тонзура?»¹⁵ – и едва не рассмеялась вслух. Георг, племянник старой подруги ее матери, нанес визит в семейство Бенинг, надеясь среди здешнего изобилия девиц найти себе жену.

Строго говоря, дочери живописца Бенинга были для него низкородны. Однако Георг Теерлинк не был завидным женихом. Красотой он не блистал, людей побаивался, смотрел как побитая собака, к тому же заикался так, что с трудом добирался от начала слова до конца. Приветствие и обычные вступительные любезности произносил минут двадцать, мучаясь при этом страшно; сестры Левины – особенно Герта – тревожно переглядывались. У каждой на лице читалось: «Кого он выберет? Только бы не меня!» Левине стало ужасно его жаль: должно быть, это отразилось на лице – так что он выбрал ее.

¹⁵ Выбритое место на макушке головы у католических духовных лиц.

Тогда ей было семнадцать – и семнадцать лет прошло с тех пор: как быстро летит время! Отец не спорил, но и только; он понимал, что рано или поздно с Левиной придется расстаться, однако, будь его воля, оставил бы ее при себе навеки. Свадьбу взяла в свои руки мать. Обо всем договорилась и устроила так, что Георг Теерлинк взял Левину без приданого – дело редкое, почти невиданное.

– Ну что ты нос повесил? – говорила она отцу. – У тебя остаются еще четыре девочки!

Отец хотел ответить, но лишь рукой махнул и вышел за дверь. Левина нагнала его уже в саду, усыпанном пожелтевшими осенними листьями.

– Не огорчайтесь, батюшка, прошу вас!

– Ах, Вина, Вина, – ответил он, – ведь ты моя любимица!

– Ш-ш-ш! Что, если остальные услышат?

– Ты думаешь, они этого не знают? – Отец раскрыл объятия, и Левина бросилась ему на грудь, радуясь, что может не смотреть в его изрезанное морщинами лицо.

– Тебе не кажется подозрительным, – спросила в тот же вечер Герта, – что Теерлинк берет тебя совсем без денег? Да, у него ужасный порок речи, но все-таки! Ведь семья у него и родовитее, и намного богаче нашей. Может быть, он просто... ну, знаешь, неспособен на *это*?

Об *этом* сестры говорили много и с неизменным интересом. Левина рада была сбежать от Герты и прочих, пусть это даже означало замужество за чудаковатым зайкой Теерлин-

ком. Вскоре Герта тоже вышла замуж – за торговца сукном, достаточно богатого даже для нее, – но умерла первыми родами. А Левина по приглашению королевы Екатерины Парр, слышавшей о ее картинах, отправилась к английскому двору; с ней переехал Георг и получил место в дворцовой страже. Со временем она его полюбила – прежде всего за то, что не мешал ей рисовать; от большинства мужчин такого великодушия не дождешься. Заикание Георга с годами почти сошло на нет и теперь проявлялось лишь изредка, обычно в минуты сильных переживаний – большой радости или большого страха. Он никогда об этом не говорит, но Левина подозревает, что в казарме ему не слишком весело: мужчины, когда собираются вместе, бывают жестоки не меньше женщин. Однако в целом служба в дворцовой страже ему подходит: она требует терпения и молчания – а этими двумя талантами Георга Бог не обидел.

– Вот так, – говорит она, отложив кусочек угля и протягивая мужу рисунок. – Что скажешь?

– Какой-то старик, – говорит он. – Я что, вправду такой старый?

– Георг, когда это ты сделался таким тщеславным? – смеется Левина, а он заключает ее в объятия и притягивает к себе.

– Л-левина! – выдыхает он; и она вдруг вспоминает, как его любит. Океан нежности, хлынувший из глубины сердца, растапливает все преграды между ними. Георг увлекает ее

в спальню. Левина бросает взгляд на Маркуса – но он по-прежнему безмятежно спит, и рядом с ним снова прикорнул Герой. Захлопнув за собой дверь, они принимаются раздевать друг друга, торопливо и неловко возясь со шнуровкой. Оба молчат: слышен лишь шорох ткани и частое, шумное дыхание. Корсаж, сдавливающий живот и бока, падает на пол; Левина вдруг остро ощущает, как расплнела в последние годы, и пугается. Вдруг это не понравится Георгу? Он, кажется, ничего не замечает; опустившись на колени, он прикивает лицом к ее чреву и глубоко вдыхает, словно старается поглотить самое ее существо.

После ужина Маркус уходит к себе наверх, а Георг и Левина остаются в гостиной, и муж перебирает стопку ее рисунков, разглядывая каждый.

– Чьи это руки? – спрашивает он.

Он поворачивает рисунок к свету, чтобы рассмотреть получше; Левина подходит и заглядывает ему через плечо. На рисунке – руки Джейн Грей, слепо шарящие в поисках плахи.

– Ничьи. Просто фантазия. – Она не хочет объяснять – не готова снова погружаться в этот ужас или рассказывать, что ей не хватает духу перенести на бумагу сцену казни целиком.

– А это леди Мэри Грей, верно? – Предыдущий рисунок он убрал под низ стопки и взялся за следующий.

– Верно.

На этом наброске Мэри изображена со спины, в три чет-

верти. Левина рисовала девочку десятки раз, пытаясь вообразить под одеждой обезображенное тело ребенка, передать неестественный змеиный изгиб позвоночника. Ей вспоминается, как отец однажды повел ее в мертвецкую, показал мертвого карлика и приказал его рисовать – снова и снова, пока не получится. Так отец учил дочь анатомии. «Человеческое тело не едино, – говорил он, – оно состоит из множества частей. Нужно рассмотреть каждую в отдельности и понять, как она скреплена с остальными». Левина была еще очень молода, и странные пропорции карликового тельца – короткие ноги, длинный торс, квадратная голова – немало напугали. Мэри Грей другая. Пропорции ее тела совершенны, только очень малы, словно у марионетки; на лице привлекают внимание большие ясные глаза и рот, что так легко, даже против ее желания, складывается в улыбку. Была бы красавицей... если бы не горб. Как несправедливо! Но именно это сочетание совершенства и несовершенства, их зримая противоположность завораживает Левину.

– Трудно представить, каково ей приходится, – бормочет Георг. Не совсем понятно, имеет ли он в виду уродство Мэри или гибель родных девочки.

– Она сильнее, чем кажется, – отвечает Левина. – Куда больше я беспокоюсь за вторую сестру.

– Леди Кэтрин?

Она кивает.

– Взгляни. – И, взяв со стола стопку рисунков, перебирает

их, потом находит набросок лица Кэтрин.

– Ты уловила ее хрупкость, – говорит он. – И красоту. – Подносит рисунок ближе к свету, вглядывается. – Прежде я не замечал, как она похожа на отца.

– И красотой, и обаянием в него, – отвечает Левина. Верно, Генри Грей немало девичьих голов вскружил в свое время!

– В казармах я слышал толки о том, что законная наследница престола – она, а не Елизавета.

– Боже упаси!

Левина пробует представить ветреную Кэтрин Грей в роли королевы Англии. На первый взгляд это кажется невозможным... но, в сущности, почему нет? В жилах Кэтрин течет кровь Тюдоров, и на ней, в отличие от Елизаветы, нет пятна незаконнорожденности.

– Королева надеется произвести на свет мальчика. Тогда вопрос престолонаследия будет улажен.

Георг бросает на жену выразительный взгляд, возводит глаза к потолку, но не спорит.

Он продолжает перебирать рисунки. Вот Фрэнсис Грей – набросок по памяти. Здесь она улыбается, а в жизни Левина уже давно не видела на ее лице улыбки.

– Зачем ты так много рисуешь Греев? – спрашивает он.

– Фрэнсис делает у себя в Бомэноре галерею. Хочет повесить там портреты всей семьи.

После казни герцога поместья Греев должны были отой-

ти короне, только королева сразу вернула их Фрэнсис – не все, хотя и почти все: Брэдгейт, ее любимый дом, оставила за собой. Фрэнсис не скрывала облегчения: не от того, что земли и особняки остались в чужих руках, а от того, что королева не держит на нее зла. Однако она со своими двумя дочерьми ходит по лезвию ножа. Все трое прикидываются католичками, но с них глаз не сводят: Фрэнсис рассказывала Левине, что Сюзен Кларенсье неотступно следит за ними и докладывает королеве об их жизни – что они едят, с кем переписываются, часто ли молятся. Неудивительно, что она хочет окружить себя портретами родных и близких, многих из которых уже потеряла.

– Опять портреты! – ворчит Георг. Быть может, он предпочел бы, чтобы жена сидела дома и рожала по ребенку каждый год.

– Не начинай, – твердо отвечает она.

– О чем это ты?

– О том, что ты не вправе жаловаться на мою работу. Все, чем мы живем, куплено на мои заработки.

И она широким жестом обводит дом и все, что в нем – серебряную посуду в шкафу, стеклянные окна, выходящие на улицу, – в то же время ощущая, что поступает невеликодушно. К чему напоминать Георгу, что не он содержит семью? Он очень хороший муж. Другой на его месте еще много лет назад забил бы ее кнутом до полусмерти, чтобы принудить к повиновению.

– А правда, что Фрэнсис Грей решила выйти замуж за своего конюха?

– Вам в казарме, кроме сплетен, заняться нечем? – спрашивает Левина, и в голосе проступает раздражение. Она прекрасно знает, что Георг ревнует к ее дружбе с Фрэнсис, – а он знает, как ей неприятно слышать, что подругу и ее будущего мужа обсуждают досужие сплетники. – Стокс хороший, добрый человек; но главное, с ним она вместе с девочками сможет убраться подальше от двора! – Левина повышает голос. – Почему никто этого не понимает? Можно подумать, мир перевернется, если герцогиня выйдет замуж за простолюдина!

– Да я не в том смысле... – начинает Георг.

– Знаю, – отвечает она. – Прости.

Ей в самом деле стыдно. Они так редко бывают вместе: можно ли тратить эти драгоценные часы на ссоры?

– Но вот что меня беспокоит... – Он в задумчивости потирает лоб рукой. – Ты не боишься, что связи с этой семьей навлекут на нас беду?

– Георг, я не из тех друзей, что в беде перестают быть друзьями. Фрэнсис всегда была ко мне добра – я ее не покину. – «Как мало мужчины понимают женскую дружбу, – думает Левина, – как низко ценят!» – И потом, сейчас она снова в милости у королевы.

Все-таки она ввязалась в бессмысленный спор!

– Королева любила и леди Джейн, ты сама рассказывала. Но это не помешало ей...

– Хватит! – почти кричит Левина и выставляет перед собой ладонь, словно возводя между собой и мужем невидимую стену. Гнев кипит в ней и вот-вот прорвется, особенно потому, что она понимает: Георг прав.

– Вина, я боюсь п-п-п-п... – Мучительная пауза; Георг пытается закончить слово. Как бывает в минуты волнения, его заикание снова напомнило о себе. Левину это больше не беспокоит: за семнадцать лет она привыкла к заиканию Георга и почти перестала его замечать – но сейчас, когда на него сердита, оно снова неприятно царапает ей слух. – ...п-последствий этого нового союза.

Георг говорит о королеве и испанском принце Филиппе. Не он один боится католиков: многие из тех, кто предан новой вере, уже бежали из Англии в иные страны, где нет религиозных стеснений.

– Если боишься – если ты такой трус – пожалуйста, возвращайся в Брюгге! – Но тут же она прижимает ладонь ко рту, коря себя за несдержанность. – Прости... я не хотела... это было несправедливо.

Георг молчит. Она подходит ближе, начинает разминать ему плечи, однако он остается напряженным, неподатливым.

Некоторое время оба молчат. Наконец он говорит:

– У нас с тобой хорошая семья, не так ли, В-в-в-в...

– Хорошая, Георг, – тихо отвечает она.

– Замерзла? – спрашивает он.

Левина кивает: после захода солнца стало прохладно.

– Королева сейчас уже обвенчана, – говорит муж, встав и нагнувшись, чтобы растопить камин. – Один Бог знает, что принесет нам ее брак. Как бы не начали сжигать людей. Сегодня с утра в Смитфилде была потасовка, хуже обыкновенного. – Он наклоняется к поленнице с огнивом.

– Католики и реформаты? – спрашивает Левина, хоть это и излишний вопрос. Кто же еще? Нынче все волнения происходят из-за разницы в вере.

– Боннер отхлестал по щекам какого-то прихожанина за то, что во время мессы тот не поднял глаз на гостию¹⁶. Об этом закричали на улице... ну и началось.

– Епископ Боннер? – Он встает у нее перед глазами: пухлый, словно младенец-переросток, с круглым румяным лицом, капризными губами и холодным, жестоким взглядом. – Вот кого ждут не дождутся в аду!

Времена молодого короля Эдуарда, когда каждый мог исповедовать ту веру, какую считал нужным, сейчас кажутся безвозвратно ушедшими в прошлое. Новая королева кнутом и шпорами возвращает страну на католический путь.

– У нас в доме есть что-то, что можно поставить нам в вину?

– Несколько памфлетов. И Библия.

Георг никогда особо не интересовался религией – в этом, как и во многом другом, он следовал за женой. Но для Ле-

¹⁶ Гостия – евхаристический хлеб в виде маленькой лепешки в католицизме латинского обряда, а также англиканстве и ряде других протестантских церквей.

вины реформатская вера вошла в плоть и кровь, скрепила душу так же нерушимо, как яичный белок связывает краски на полотне. Однако в нынешние времена держать в доме английскую Библию опасно.

– Главное для нас – ходить к мессе так, чтобы все видели.

– Да, и не забывать поднимать глаза на гостию.

Левина роется в стопках рисунков, разыскивая памфлет, недавно купленный на рынке.

– Вот, – протягивает ему несколько скрепленных вместе бумажных листков.

– Выглядит довольно невинно, – замечает он, просматривая памфлет, – но тут ведь не угадаешь. – И отправляет его в огонь.

Левина находит еще один – тот, что использовала вместо закладки в одном из своих анатомических атласов. Как стремительно меняется мир! То, что месяц назад было ненужной бумажкой, теперь таит в себе смертельную угрозу.

– К этому-то они придираются не станут, как ты думаешь? – говорит она, листая атлас с изображениями рассеченного человеческого тела. – Или тоже неблагочестиво?

– В тот день, когда и анатомия станет ересью, Вина, мы немедленно вернемся в Брюгге, – говорит Георг и крепко обнимает жену. – А что с твоей Библией?

– Георг, ты же не собираешься сжечь книгу?

– Лучше уж ее, чем тебя.

– Ни за что! – Ей не верится, что он предлагает такое. –

Это же слово Божье!

– Верно, – угрюмо отвечает он. – Но Бог нас простит. Он знает, что у нас есть причины.

– Георг, это уж слишком!

– Тогда отдай мне, и я надежно ее спрячу. Закопаю где-нибудь подальше от дома.

– Неужто мы дожили до такого? – горестно спрашивает она.

– Пока нет, однако скоро доживем.

Она достает из деревянного ларца Библию, целует и передает мужу, с удивлением понимая, что его предусмотрительность ее успокаивает. Георг заботится о ней и защищает; вместе – она, муж, Маркус – они сильнее, чем по отдельности. Каково-то приходится Фрэнсис одной среди придворных шпионов и сплетников? На кого, кроме матери, надеяться ее девочкам? Неудивительно, что она готова выйти замуж хоть за конюха.

– Георг, я так тебя люблю! – растроганно говорит она.

– Знаю, – просто отвечает он.

Мэри Уайтхолл, ноябрь 1554

Рука у королевы как птичья лапа. Вцепилась когтями мне в плечо, и все мои силы уходят на то, чтобы терпеть и не отталкивать ее. Другой рукой непрерывно, круговыми движениями, поглаживает живот – чтобы никто не забыл, что у нее там ребенок. Сияет от счастья и не сводит глаз с мужа.

Я улыбаюсь, но за этой улыбкой клокочет омерзение. Я для нее по-прежнему ручная обезьянка и девочка на побегушках: сходи туда, сходи сюда, подай-принеси, почитай, разотри мне плечи. Как будто она забыла о том, что убила мою сестру. А как же совесть? Как она живет с тем, что совершила? Думает, так угодно Богу? Я не верю в Бога, которому угодны казни невинных! Однако на молитве вместе с прочими, смиренно опустив глаза, перебираю четки – золотая девочка Мэри Грей.

Ее испанец сидит рядом, но в напряженной позе, на самом краю скамьи, и старается отодвинуться подальше – так инстинктивно делают люди, когда сидят рядом со мной. Я знаю, как проявляется отвращение. Королева касается его рукава, и он морщится. Вижу, что она ему противна, но сама она совсем этого не замечает. Лицо у Филиппа точь-в-точь как у Кэтрин, когда ей преподносят какой-нибудь ненужный подарок, и приходится из вежливости делать вид, что очень

довольна. Окружающим испанец по большей части нравится: красив, роскошно одет, держится как настоящий король. Люди вечно смотрят на внешность – мне ли не знать?

Все мы собрались на арене для турниров в Уайтхолле; здесь гости продемонстрируют нам испанское фехтование и верховую езду. В последние месяцы англичане не упускают случая показать, что ничто в испанцах их не впечатляет; и сегодняшней день – не исключение. Несколько иностранных дворян попарно сошлись на поле и машут рапирами, но мало кто обращает на них внимание. День серый, пасмурный, с неба сочится изморось. Мы сидим под навесом, завернувшись в меха, защищающие от холода и сырости, однако у фехтовальщиков на поле вид очень несчастный. Как они, должно быть, мечтают вернуться домой, под яркое южное солнце!

Испанцам Англия не по вкусу. Вечно жалуется на все – на погоду, на еду, на слуг. На их взгляд, мы странно одеваемся, не умеем себя вести, и нравы у нас чересчур бесцеремонные. Впрочем, это им не мешает пялиться голодными глазами на мою сестру и на Джейн Дормер. Фериа, ближайший сподвижник короля и, пожалуй, самый приятный из них, похоже, всерьез влюбился в Джейн. Кэтрин говорит, она станет для такого человека хорошей женой – она добрая, тихая и кроткая, и готова слушаться мужа. А послушание – главная добродетель хорошей жены: так говорит мистрис Пойнтц. Правда, не мне – все знают, что мне ничьей

женой не бывать. Но я тоже должна быть кроткой и послушной, чтобы загладить этим свои недостатки. Однако хотела бы я знать, какая сила способна сделать кроткой и послушной Кэтрин?

Филипп что-то шепчет королеве, так тихо, что не слышу даже я, хотя сижу у нее на коленях. При этом взгляд его скользит ко мне, и в складке губ ясно читается отвращение.

– Мэри, милочка, у нас заболело колено. Сойди и присядь с нами рядом, – говорит королева виноватым тоном.

Откуда ей знать, что я терпеть не могу сидеть у нее на коленях? Откуда знать, как я ее ненавижу? Она приказывает Джейн Дормер подвинуться и освободить для меня место рядом с ней, но тут вмешивается муж королевы и снова что-то шепчет. В результате Джейн Дормер остается на своем месте, а я втискиваюсь по другую сторону от нее, между Джейн и Магдален Дакр – туда, где испанец сможет забыть о моем существовании. Магдален с гримаской отодвигается от меня подальше, что-то шепчет своей соседке, кухне Маргарет, и та громко фыркает. Я делаю вид, что мне безразлично. На самом деле нет. Я привыкла, да – но все равно больно. Просто не стоит об этом думать.

Я озираюсь, ищу глазами сестру, только она куда-то ускользнула. Оглядывая арену, замечаю яркое пятно – ее алое платье – за высокой тисовой изгородью аптекарского огорода. Должно быть, опять любезничает с этим Гербертом.

На арену въезжают рысью с полдюжины верховых испан-

цев, и среди них Фериа. Среди зрителей раздаются приветственные крики; король встает с места и аплодирует, подняв руки над головой. Его примеру следуют и остальные, но аплодисменты выходят довольно жидкие. Всадники разодеты, как на парад: на них доспехи, высокие ботфорты, шляпы с причудливыми плюмажами и длинные черные плащи. У каждого плащ перекинут через плечо и ложится живописными складками. Вместо копий в руках испанцев длинные трости.

– Вот так свирепые бойцы! – кричит кто-то в толпе, и зрители покатываются со смеху, хотя не совсем понятно, что тут смешного. Да, они не вооружены, но кони у них отличные: шкуры блестят, как отполированные, они выгибают шеи, раздувают ноздри и пританцовывают на месте – а всадники отлично с ними управляются. Ветер треплет попоны, блестит сбруя, многосложная, словно украшения королевы.

Кони вышагивают в ряд, останавливаются и поворачиваются по команде, высоко поднимая ноги и махая хвостами, а всадники перебрасываются своими тростями и ловко ловят их в воздухе.

– И это все, на что вы способны? – снова голос из толпы зрителей.

– Ой, это какой-то новый танец! – по-женски пискляво подхватывает другой, и по толпе прокатывается смех.

Филипп сжимает губы и барабанит пальцами по подлокотнику своего кресла. Все мы молчим. Из толпы – новые на-

смешливые выкрики. Тук-тук-тук по подлокотнику. Королева пытается взять мужа за руку – он отдергивает руку. Она бормочет что-то о «великолепном зрелище». Он, дернув лицом, отворачивается. Приближенные дамы королевы, Сюзен Кларенсьё и Фридесвида Стерли, позади нас начинают в притворном восторге хлопать в ладоши. Король, обернувшись, бросает на них такой взгляд, что их руки застывают в воздухе. Королева потирает живот.

Один гнедой жеребец на поле вдруг пятится, встает на дыбы, едва не сбросив седока, и с того слетает шляпа. Тут смеется даже король – но лишь пока из толпы зрителей не слышится:

– Что такое? Дама потеряла шляпку?

Король снова плотно сжимает губы, и в глазах его вспыхивает гнев.

Однако я уже не слежу за тем, что делают испанцы на поле. Мой взгляд прикован к сцене в отдалении, возле тисовой изгороди, в которой участвует моя сестра. Граф Пемброк, отец Гарри Герберта, схватил сына за шкуру. Кэтрин рядом с графом кажется маленькой, как кукла; но она не спешит прочь – судя по наклону головы, сестра о чем-то отчаянно его спрашивает. Я молчаливо желаю ей придержать язык: Кэтрин вечно сначала говорит, а потом думает, и рано или поздно это навлечет на нее беду. Но сейчас нашу Киску едва ли что-то остановит.

Вдруг Пемброк, не выпуская воротник сына, шагает к ней

и свободной рукой с размаху бьет по лицу. Кэтрин валится на траву, взметнув алые юбки. Я едва верю своим глазам: этот огромный мужчина, что сейчас шагает прочь, таща за собой упирающегося сына, ударил мою сестру! Быть может, он сказал бы «сама напросилась» – но что с того? Такому поведению нет оправданий.

«Что сделала бы Джейн?» – думаю я – и прежде, чем мысленно произношу вопрос, приходит ответ. Я прошу у королевы разрешения отойти и, сойдя с трибуны, бегу к тисовой изгороди. Беспокоить *tata* не стоит: чем меньше внимания к этому происшествию, тем лучше. Хорошо бы его вообще никто не заметил! Доброе имя моей сестры сейчас висит на волоске.

Дождь уже не моросит, а падает крупными тяжелыми каплями; к тому времени, как я добираюсь до Кэтрин, платье у меня намокает и тяжелеет. Она сидит на траве, мокрая насквозь, в потемневшем алом платье, дрожит и горько плачет.

– Пойдем, Киска, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал по-взрослому. Сейчас из нас двоих я – старшая. Надо вести себя, как Джейн. – Пойдем в дом, тебе нужно переодеться в сухое, иначе простудишься насмерть.

Чепец у нее сбился, волосы растрепались, мокрые золотистые пряди прилипли к лицу. На щеке красный след – отпечаток мужской ладони. Она рыдает, вздрагивая всем телом; только сейчас я замечаю, что шнуровка у нее развязана, и Кэтрин приходится придерживать платье, чтобы оно не

сползло с плеч.

Она позволяет мне затянуть шнуровку и молча идет со мной в покои *taman*. Это довольно далеко от арены. И платье, и туфли на мне так намокли, что трудно идти; до наших комнат мы добираемся уже совсем обессиленные. Двое щенков Кэтрин выбегают нам навстречу: она наклоняется к ним, гладит, приговаривает что-то ласковое – и, кажется, на миг забывает о своем горе.

– Стэн! Стим! Где остальные?

– *Maman* отправила их на конюшню. Они грызли портьеры.

– А Геркулеса? Он тоже там?

– Да, и твою обезьянку тоже.

Кэтрин обожает своих питомцев. Иногда мне думается: она так переполнена любовью, что не знает, что с ней делать, – и тут на помощь приходят домашние животные. Интересно, каково это, когда тебя переполняют чувства? Я-то свои всегда держу взаперти. Окружающие, быть может, считают, что я ничего не чувствую, но в этом очень ошибаются.

Я зову слугу, и он приносит ведро углей, чтобы разжечь огонь. Скоро мы сбрасываем мокрую одежду и устраиваемся у пылающего камина: Кэтрин в лучшей шелковой ночной сорочке *taman* и в ее шали, я – завернувшись в шерстяное одеяло. Передаем друг другу горячий пунш, отхлебываем по очереди, мелкими глотками, чтобы не обжечь рот.

– Лучше тебе оставить его в покое, – говорю я.

– Но он мой муж! – всхлипывает она.

– Нет, Киска. Не муж. И тебе не победить.

Брак Кэтрин с Гарри Гербертом был частью интриги Нортумберленда: не случайно они поженились в тот же день, что и Джейн с Гилфордом Дадли.

– Мы любим друг друга!

– И это тоже ничего не значит, – отвечаю я.

Ее лицо кривится от плача.

– Пемброк сказал, что я запятнана изменой отца и сестры, что он не позволит сыну об меня замараться!

Не знаю, что ответить на это; но мне самой многое становится яснее. Как видно, когда королева свергла с престола Джейн, Пемброк, спасая собственную шкуру, поспешил перебежать на ее сторону. Поэтому он и не хочет никаких связей с Грейями: мы – живое доказательство его неверности.

– По крайней мере, отцу хватило мужества умереть за свои убеждения! – добавляет Кэтрин и, всхлипнув, утирает нос рукавом.

Я не уверена, что наш отец был таким безупречным рыцарем, каким воображает его Кэтрин. Он присоединился к мятежникам, восставшим против короны, и был схвачен при попытке бежать – так говорит *tata*. Только к чему сейчас напоминать об этом Кэтрин, обожающей отца? Мне вспоминаются и другие слова *tata*: то, что на Кэтрин легла тень отцовского предательства, возможно, уберет ее от участия в борьбе за престол.

– Положение королевы очень нестойко, *cherie*, – добавила она. – Вокруг столько реформатов, которые только и мечтают от нее избавиться.

Но Кэтрин не думает ни о престоле, ни об угрозе, беззвучно сгущающейся вокруг нас. Ее душа до краев полна мечтами о любви – в ней нет места ни для чего другого. Должно быть, каждый из нас забывает по-своему – и по-своему прячется от реальности.

Maman ищет выход из западни в новом замужестве. «Это уберезет нас от беды», – говорит она. Однако нельзя выходить замуж так скоро – придется подождать; к тому же королева едва ли выпустит нас из виду. Елизавету она держит взаперти в Вудстоке, в надежде, что о ней все позабудут. Только забыть ее невозможно – все только о ней и шепчутся; и очень хорошо, чем больше окружающие думают о Елизавете, тем меньше вероятность, что вспомнят о Грехах – так говорит *tatan*.

– Пойдем, Киска, пора одеваться. Скоро вернутся остальные, – говорю я, надеясь отвлечь сестру от горестей. – Что ты наденешь? Голубое? Тебе так идет голубой!

Мы помогаем друг дружке переодеться в чистые сорочки и корсажи, затягиваем друг другу шнуровки, привязываем рукава, заплетаем косы и прячем их под чепцы. Люблю, когда Кэтрин помогает мне одеться: она привыкла к моему телосложению и не трогает меня больше необходимого. Даже Пегги Уиллоуби, безобидное создание, когда я переодеваюсь

при ней, не может скрыть любопытства, хоть и изо всех сил старается не пялиться на мою искривленную спину.

– И кузина Маргарет тоже собралась замуж, – говорит вдруг Кэтрин, словно размышляя вслух. Я слышала о помолвке Маргарет Клиффорд, но сама об этом не заговаривала, опасаясь расстроить сестру. – Генри Стенли, лорд Стрэйндж – в самом деле, странный жених!¹⁷ – фыркает она. – Кузина в нем души не чает, а он распускает руки, стоит ей отвернуться!

Я помалкиваю. Не стоит спорить с Кэтрин, когда ей, как говорится, вожжа под хвост попала.

– Еще и *taman*! – Она в гневе ударяет кулаком по колену; остатки пунша выплескиваются на пол, и Стэн и Стим подбегают, чтобы их слизать. – Что она нашла в этом Стоксе? Кто он вообще такой?!

– Он добрый человек, – отвечаю я.

И немедленно об этом жалею; это замечание злит Кэтрин сильнее.

– «Добрый»! – повторяет она так, словно слово горчит на языке. – Да он даже не... – И осекается.

– Лучше бы тебе с этим смириться, Киска. Они поженятся в любом случае, что бы ты об этом ни думала. Разве тебе не кажется, что *taman* в последнее время выглядит спокойнее и счастливее прежнего?

– Пф! – отмахивается Кэтрин. Подозвав к себе Стэна, за-

¹⁷ Фамилия Strange означает «странный».

рывается лицом в его шерсть и говорит капризным детским голоском: – Тебе это тоже не по душе, правда, Стэнни?

Я встаю и подхожу к окну.

– Дождь перестал. – Провожу пальцем по запотевшему стеклу.

– А еще этот Фериа, – продолжает изливать наболевшее Кэтрин, – ну ты его видела, Мышка, тот испанец... тот, что хорош собой... Он положил глаз на Джейн Дормер. А она словно и не замечает. Конечно, ничего удивительного – все хотят жениться на Джейн Дормер! Томас Говард тоже ее обхаживает. – Она сбрасывает с плеч платье и выбирает другое, натягивает его на себя, расправляет складки. Затем надевает одно из ожерелий *taman*, берет зеркальце и пристально себя разглядывает, поворачивая голову так и этак, поджимая губы, и наконец говорит со вздохом: – Все младшие фрейлины вот-вот выйдут замуж, одна я останусь старой девой!

– Тебе всего пятнадцать – не рановато ли для старой девы? И потом, ты не будешь одна. Рядом с тобой останусь я.

– Ох, прости, Мышка! – восклицает она и, столкнув с колен Стэна, бежит ко мне. Присаживается на подоконник, чтобы наши лица были на одном уровне, сцепляется со мной мизинцами. – Я не подумала... так бездушно с моей стороны помнить только о своих горестях, когда...

Она не договаривает – но ясно, что хочет сказать: когда мне, с моим уродством, нечего и думать о том, чтобы найти себе мужа.

Кэтрин снимает с пальца обручальное кольцо.

– Держи, – говорит она и, взяв меня за руку, аккуратно надевает кольцо мне на средний палец. – У тебя красивые руки и хорошенькое личико. Пусть ростом ты не вышла, зато всех превосходишь умом; пусть спина у тебя кривая – зато душа прямая и благородная. – Она умолкает; я вижу, что уголки ее глаз снова набухают слезами. – А вот я не такая. Ты, Мэри, стоишь дюжины таких, как я.

От этих слов что-то сдавливает мне горло, словно там, внутри, нарыв, который вот-вот прорвется. Я не из тех, кто часто льет слезы, но сейчас готова заплакать.

– И потом, – добавляет сестра, – всякое на свете случается. Ты слышала о королеве Клод? Она была горбатой, как ты, да еще хромой и косоглазой – и что же ты думаешь? Вышла замуж за короля Франции!

Я киваю, глубоко вздыхая, чтобы не дать волю слезам. Не уверена, что хочу слушать о королеве Клод. Мысль, что какая-то горбунья взошла на трон, вовсе меня не успокаивает.

– Что случилось с ней дальше? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает Кэтрин. – Но она стала матерью следующего французского короля, и в честь нее французы называли сорт сливы¹⁸.

– Сорт сливы, – повторяю я. По мне, не слишком-то боль-

¹⁸ Имеются в виду Клод Французская (1499–1524), дочь короля Людовика XII, первая жена короля Франциска I и мать короля Генриха II, и сорт слив «рен-клюд».

шая честь. – Интересно, что назовут в честь меня? Крыжовник? Такой же кислый и колючий.

– Что ты, Мышка! Ты совсем не похожа на крыжовник!

«А по-моему, похожа» – думаю я.

– У тебя идеальные глаза. И вообще не унывай: происхождением ты не ниже королевы Клод, так что... – Не договорив, она обводит комнату широким жестом, словно желая сказать, что мне принадлежит весь мир.

– Конечно, Киска, – отвечаю я, чтобы с ней не спорить. – Ты права. В нас обеих королевская кровь.

Эти слова вызывают у нее улыбку; а когда Кэтрин улыбается – словно солнышко выглядывает из-за туч. Но за дверями уже слышится шум; с поля для турниров расходятся зрители.

– Сейчас все пойдут на ужин. Пойдем и мы, чтобы нас не хватились.

Сцепившись мизинцами, мы выходим в холл, где уже расставлены столы, и за ними рассаживаются люди. Кэтрин вертит головой, выискивая в толпе Гарри Герберта. Отец его здесь, но самого Гарри не видно, и я чувствую, как Кэтрин этим расстроена. Появляется *tatam*, ведет нас на галерею, где сидят король и королева. Ступени слишком высоки для меня: приходится останавливаться, чтобы передохнуть, и Кэтрин помогает подняться. Мы приседаем перед их величествами в глубоком реверансе. По бокам разносится шепоток: фрейлины заметили, что мы переоделись – а все осталь-

ные пришли сюда прямо с поля. Филипп отходит к своим джентльменам; королева похлопывает себя по колену – сигнал мне занять свое место – и я снова становлюсь ее ручной обезьянкой.

Левина

Смитфилд / Уайтхолл, февраль 1555

Левина верхом пробивается сквозь толпу. Хорошо, что сегодня ее сопровождает конюх: в городе неспокойно. Они движутся против людского потока, текущего в Смитфилд, где Левина только что купила у своего обычного поставщика, в лавке за церковью Святого Варфоломея, новые краски. Она направляется в Уайтхолл; сегодня ей будет позировать кардинал. Левина боится опоздать и заставить такую важную персону ждать, но толпа сгущается и напирает все сильнее. Проезжая через рыночную площадь, Левина видела в центре ее столб, сложенные вокруг него дрова и хворост – костер, подготовленный для приговоренного к смерти. Сегодня эта участь ждет каноника из собора Святого Павла; он отказался отречься от своей веры. Левина пару раз встречалась с ним в Лондоне; он показался ей человеком разумным и приятным. Она старается об этом не думать, но спрашивает себя, случайно ли сожжения «еретиков» начались сразу после возвращения кардинала из долгого римского изгнания?

Толпа волнуется и гудит вокруг. Беспокойство передается коню; он храпит, встает на дыбы, едва не задевает копытом голову прохожего.

– Эй ты, смотри за своей чертовой зверюгой! – рывкает прохожий, потрясая кулаком и скаля зубы, словно уличная

шавка.

Левина натягивает поводья, но взбудораженный жеребец не хочет стоять на месте. Крики и волнение толпы пугают его. Левина вздыхает с облегчением, когда конюх, подъехав ближе, крепко берет ее коня за узду и, успокаивая, что-то шепчет ему на ухо.

С площади доносится многоголосый гул, словно рев штормового моря.

– О господи! – невольно вырывается у Левины.

Должно быть, привезли узника. Она так надеялась этого избежать – но безнадежно застряла в толпе, спешащей полюбоваться зрелищем. Левина беззвучно молит Бога о том, чтобы все поскорее закончилось. По счастью, сегодня сильный ветер – костер разгорится быстро и жарко; быть может, кто-нибудь из палачей подбросит в костер мешочек селитры, чтобы быстрее отправить приговоренного в мир иной. Ком в горле, тяжесть в желудке. Такой славный человек – и так... так заканчивает жизнь. Левина еще ни разу не видала казни на костре – и очень надеется никогда не увидеть.

Она оглядывается, проверяя, бежит ли за конем Герой. Он здесь: уши прижаты, видны белки глаз – даже собака понимает, что тут происходит что-то плохое, хуже обычного городского шума и толкотни. Чует людскую жажду крови. Издалека, с площади, доносится пронзительный вопль, и над толпой поднимаются клубы дыма. Зачем она обернулась? Ветер несет дым в ее сторону: запах костра – и крик, этот

страшный крик, разрывающий сердце. Новый порыв ветра приносит нечто новое и тошнотворное: аромат жареного мяса, от которого рот у Левины невольно наполняется слюной. В ужасе от реакции собственного тела, она туго обматывает лицо платком, чтобы заглушить вонь. Щиплет глаза – то ли дым, то ли непролитые слезы. Слава богу, толпа вокруг реддеет, и теперь они могут ускорить шаг.

* * *

Кардинал Поул сидит перед Левиной, сложив руки на коленях. До сих пор он не произнес ни слова, как будто ее не замечает. Быть может, недоволен тем, что приходится позировать женщине? Но это распоряжение королевы; у него нет выбора. Он не встречается с Левиной взглядом. Карие глаза под тяжелыми веками создают впечатление доброты, только Левина уверена, что это впечатление обманчиво. Она не может изгнать из памяти страшную вонь горелой плоти; запах въелся в одежду, Левина боится, что никогда ее не отстирает и что душераздирающие вопли заживо сжигаемого человека будут звенеть в ушах до конца жизни.

На следующей неделе та же судьба ждет еще пятерых осужденных; и это только начало. Арестован архиепископ Кранмер. Ему предстоит нечто особенное – у королевы с ним личные счеты: это он аннулировал брак Генриха Восьмого и ее матери, превратив Марию Тюдор в незаконнорожденную.

Теперь королева отомстит архиепископу. Левина спрашивает себя, за какую долю этих ужасов ответствен человек, сидящий перед ней, за какую – король, за какую – королева. Теперь она ходит на мессу каждый день, даже дома, вдали от двора: ведь у епископа Боннера везде глаза и уши. Как прав был Георг, когда настоял на том, чтобы избавиться от английской Библии!

Она откладывает кисть, чтобы внимательнее приглядеться к своей натуре. Смотрит, как играет свет на драгоценном камне в его кольце. Рассеянно протягивает руку, чтобы почесать за ухом Героя. У Поула густая борода, скрывающая нижнюю часть лица; она мешает разглядеть и понять его выражение. Хочется как-то расшевелить мужчину, хотя бы взглянуть ему прямо в глаза. Но лучше не стоит. И Левина переходит к той части портрета, где не требуется заглядывать изображаемому в душу: сосредотачивается на алой мантии, на том, как лежат ее складки, как лучи солнца, покрывая алую атласную ткань легкими поцелуями, придают ей сияние, почти белизну, и как в глубине складок атлас темнеет и приобретает цвет крови.

Она раздавливает яйцо, дает белку стечь в чашку, а нежный шарик желтка раскатывает между ладоней, чтобы он немного подсох и загустел. Взяв нож, взрезает мембрану желтка, капает яйцом в краску, тут же размешивает, добиваясь идеальной консистенции. Снова взглянув на мантию

кардинала, добавляет в киноварь несколько гран¹⁹ кадмия. В последнее время она редко использует яичную темперу, но на этом портрете, со всеми его оттенками красного, без яйца не обойтись. Отец не раз говорил: «Темпера не выцветет и через тысячу лет». И сейчас Левина как будто слышит его голос.

Крохотными перекрестными мазками Левина начинает накладывать краску. Кардинал глубоко вздыхает и ерзает в кресле, отчего складки мантии ложатся по-новому, и Левина подавляет раздраженный вздох. Теперь придется менять рисунок складок и на картине. Ей вспоминается кот на виселице, которого она видела недавно в Чипсайде, по дороге в лавку торговца бумагой. Кто-то вздернул кота, обрядив его в красную тряпку на манер кардинальской мантии. После шести лет при короле Эдуарде, твердом реформате, как можно было ждать, что Англия легко и быстро вернется к католической вере? Живые люди – не глина, принимающая любую форму под рукой скульптора. И, быть может, правы были те, кто опасался, что вместе с испанцами на берега Англии явится инквизиция. Страх, неотвязный, почти осязаемый страх повис над городом; должно быть, многие теперь жалеют, что выбрали Марию Тюдор, и оплакивают день, когда отвергли Джейн Грей.

Англичане боятся присоединения страны к католической

¹⁹ Старинная единица измерения массы на основе веса ячменного зерна. В Англии гран составлял 64,8 мг.

Испании и ищут альтернативы. Шепотом называют два имени: Елизаветы и Кэтрин Грей. Многие вздохнут с облегчением, если та или другая девушка займет королевский трон. Неудивительно, что Фрэнсис изнывает от беспокойства: хотела бы Левина быть в силах чем-то ей помочь! Король хочет выдать Елизавету за герцога Савойского и отправить на континент, где у нее нет друзей и сторонников. Но девушка сопротивляется – и воля ее, похоже, сильнее всего Государственного Совета, вместе взятого; так что пока ее держат в Вудстоке, взаперти и под строгим надзором. Пока Елизавета остается незамужней и на английских берегах, опасность для Кэтрин не так велика. Однако по-настоящему избавить Греев от беды сможет лишь новый наследник из чрева королевы, желательно мальчик. Левина подсчитывает в уме: шесть полных месяцев со дня венчания – вполне возможно, скоро младенец появится на свет. Она обтирает кисть тряпкой и продолжает накладывать багрово-красные мазки.

Руки кардинала сжаты в кулаки, костяшки пальцев желты, словно лущеные орехи. Левина снова присматривается к его глазам под тяжелыми веками – глазам, что никак не желают встречаться с ней взглядом. Что они скрывают? Что скрывает густая борода и узкая розовая линия рта? Чтобы воспроизвести эти густые каштановые волосы, перевитые стальными нитями седины, потребуется тонкая кисть. Быть может, истина откроется ей в какой-нибудь мелкой детали. Жаль, нельзя писать с большей свободой, стремясь не к безупреч-

ному внешнему жизнеподобию, а к тому, чтобы ухватить самую суть сцены или человека. Об этом она много говорила с отцом. Как ни добивайся внешнего сходства – всегда есть что-то еще, какой-то поворот, движение, отблеск; и, пока работаешь над сходством, это ускользает. Левина чувствует: чтобы картина ожила, нужно не только воспроизводить видимое, но и делать видимым то, что скрыто.

Вдруг свет исчезает: повернувшись к окну, она видит, что хмурые тучи закрыли солнце – и прекратилась игра света в складках кардинальской мантии, и кожа кардинала приобрела неприятный серый оттенок. «Повезло, что утром не было дождя, – приходит ей в голову. – В сырости, под дождем тот бедняга мучился бы намного дольше...» И тут же с горькой усмешкой отвечает своим мыслям: какое уж тут везение!

– Свет ушел, ваше высокопреосвященство, – говорит она. – Боюсь, сегодня больше написать не удастся. Могу я попросить вас уделить мне еще час вашего времени завтра?

Он наконец поднимает на нее взгляд.

– Покажите, – говорит коротко, указывая на полотно.

Обычно Левина не показывает заказчикам незаконченные портреты – разве только хорошо знакомым. Но кардинал не просит, а приказывает, отказать ему невозможно; и она берется за полотно, небольшое, меньше фута²⁰ по диагонали. Осторожно взяв его за углы, чтобы не смазать свежую краску, показывает кардиналу. Тот вытягивает шею.

²⁰ Старинная мера длины. Фут в Англии составлял 0,3 метра.

– Ближе! – говорит так, словно отдает команду собаке.

Она подходит ближе – так близко, что ощущает впитавшийся в его мантию аромат благовоний и начинает лучше видеть усталое, осунувшееся лицо. Некоторое время он молча разглядывает портрет. Кажется, доволен: это радует – ведь ему Левина не старалась польстить, как иным своим клиентам. Протягивает палец к своей нарисованной бороде.

– Какая тонкая работа... – говорит он, словно обращаясь к самому себе. Но при этом нечаянно касается пальцем полотна – смазывает все тонкие волоски, над которыми Левина работала большую часть последнего часа, а на пальце остается ржавое пятно. – О... простите... я не хотел... – Кажется, он не способен как следует извиниться – но, несомненно, смущен своей неуклюжестью. На миг Левина видит перед собой просто неловкого пожилого человека – и думает: может быть, в его глазах все-таки есть доброта – или хоть что-то похожее на доброту.

– Это легко переделать, ваше высокопреосвященство, – отвечает она, протягивая ему тряпку, чтобы обтер руку.

По крайней мере, теперь Поул не сможет отказать ей еще в одном сеансе! Она начинает мыть кисти, стирая с них тряпкой избыток краски. Откупоривает флакон со спиртом: сразу начинает щипать глаза, и по комнате распространяется едкий запах. Краем глаза замечает, как кардинал щелкает пальцами, подзывая пажа. Ей хочется поймать его, когда он не видит, что за ним наблюдают, узнать об этом человеке немного

больше – сквозь трещину в тщательно выстроенном фасаде подметить что-то настоящее. Паж помогает кардиналу подняться с кресла – кажется, колени у старика скрипят, словно дверь на несмазанных петлях. Оба проходят через комнату; мужчина тяжело опирается на плечо пажа. Левина приседает в глубоком реверансе. К ее удивлению, кардинал останавливается перед ней и говорит с рассеянной улыбкой:

– Господь благоволит к вам, мистрис Теерлинк. Каким даром Он вас наградил!

– Безмерно благодарна за ваши добрые слова, ваше высокопреосвященство.

Он замечает у нее на поясе четки и едва заметно кивает. Четки старинные, память о матери: деревянные бусины отполированы прикосновениями. Должно быть, в этом кардиналу видится знак ее веры. Ложь – но разве не все здесь ложь?

– Королеве стоило бы сделать вас своей фрейлиной, – говорит он.

– Не могу принять такой чести, ваше высокопреосвященство, я из низкого рода.

– Из низкого рода? – повторяет он. – Многим родовитым дамам, знаете ли, не помешали бы столь же прекрасные манеры. – Смерив ее непроницаемым взглядом и помолчав, он добавляет: – А королеве нужно побольше таких людей, как вы.

С этим он наклоняется, чтобы потрепать по голове Героя

(жест, наводящий на мысль, что кардинал в конечном счете не так уж плох), поворачивается и уходит, по-прежнему опираясь на пажа. Левина смотрит ему вслед, размышляя о том, сохранится ли эта внезапная симпатия, если он узнает о ее тесной связи с Греями. Но, быть может, теперь, когда семейство Греев изрядно уменьшилось, а Фрэнсис и девочки убедительно прикидываются кроткими овечками, дружба с ними – уже не препятствие для карьеры, как раньше.

Вскоре после ухода кардинала в комнату проскальзывает Кэтрин Грей. Глаза у нее опухли, в кулаке зажат скомканный носовой платок. Левина уже замечала, что в последние дни девочка много плачет по сыну Пемброка. Пытается припомнить, каково страдать по потерянной любви, но сравнить ей с не чем: даже в юности Левина не ведала сильных страстей. В отличие от этой девочки, которая вся – сгусток эмоций.

– Кэтрин, чем могу тебе помочь? – спрашивает она.

– Кардинал? – говорит Кэтрин, глядя на портрет. – Очень мрачная картина!

– И человек довольно мрачный, тебе не кажется?

– Да, наверное. А как не быть мрачным, когда ничего не делаешь, только молишься день и ночь? – Она берет горшочек с краской, открывает и подносит к свету. – Как это называется?

– Свинцовый желтый.

– Цвет лимона. Такой веселый цвет! – Лицо у Кэтрин сморщивается; она снова готова заплакать.

– Иди сюда, дорогая! – Левина протягивает ей руки, и Кэтрин позволяет себя обнять. – Будут и другие, – негромко говорит Левина, глядя ее по голове.

– Но мне так больно! Знаете, как в стихах: сердце разбито. Чувствую, оно рвется пополам!

Левина хочет ответить, что это пройдет, что однажды она оглянется назад и с улыбкой вспомнит о своем полудетском горе, но понимает – Кэтрин не поверит. Эмоции захватывают девочку целиком, составляют всю ее жизнь; возможно ли, чтобы такое сильное чувство просто ушло?

Так что она молчит и обнимает Кэтрин, пока та, успокоившись, не говорит:

– *Maman* хотела вас видеть.

Фрэнсис в своих покоях с портнихой, они возятся с несколькими отрезами ткани, сложенными грудой у стены.

– Вина, *ma chère*²¹, – говорит она, приветливо улыбаясь, – я рада тебя видеть! Никто так, как ты, не разбирается в цветах! Мэри нужно новое платье на свадьбу кузины Маргарет.

Левина замечает, что при упоминании о свадьбе Кэтрин напрягается – неудивительно, если вспомнить, как безжалостно ее оторвали от молодого мужа. Фрэнсис берет отрез дамаста темно-розового цвета, прикладывает к нему другой, шелковый.

– Что скажешь? Как они смотрятся вместе?

²¹ Моя дорогая (*фр.*).

– Мне кажется, слишком близкие цвета. Шелк платья будет лучше смотреться вот с этим. – Она указывает на отрез синего бархата. – И такой цвет больше ей пойдет.

– Ты права, как всегда, права.

Фрэнсис поворачивается к портнихе и отдает ей распоряжения: бархатное платье с вытачкой под горло и стомаком²² из шелка. Объясняет, какой крой лучше всего замаскирует изуродованную спину Мэри: шов на спине надо пустить под углом, воротник сзади сделать жестким и добавить крахмальным полураф²³, скрывающий горб.

– Вам нужно будет ее измерить, только сейчас она у королевы, не знаю, когда освободится. Пока возьмите как образец вот это. – И женщина протягивает портнихе старое платье Мэри.

– Господи боже, да оно словно для куклы пошито! – восклицает женщина, но под взглядом Фрэнсис осекается. – Прошу прощения, миледи, я просто...

– Довольно, – резко отвечает Фрэнсис и поворачивается к дочери. – Кэтрин, разве ты не должна сейчас быть в покоях королевы *avec ta soeur*?²⁴ – И затем Левине: – Пока мистрис Партридж собирает свое хозяйство, давай прогуляемся. Хочу кое-что с тобой обсудить.

²² Декоративная вставка для корсажа, имеющая форму треугольника вершиной вниз, закрывающая грудь и живот.

²³ Раф – пышный кружевной воротник.

²⁴ Со своей сестрой (*фр.*).

Бедная миссис Партридж, донельзя смущенная своей бестактностью, торопливо собирает разноцветные ткани. Тех, кто не знаком с Фрэнсис, она порой пугает: страшит сам титул герцогини, но верно, что и держится она холодно и отстраненно. Лишь немногие, как Левина, знают, что под этой внешней холодностью скрываются благородство и доброта.

Фрэнсис протягивает ей беличью накидку.

– На улице холодно, но на галерее много лишних ушей. Не возражаешь, Вина?

– С удовольствием подышу свежим воздухом, – отвечает Левина, и обе они облачаются в меха.

– *Je peux imagine*²⁵... Ты ведь пишешь этого человека. Уверена, рядом с ним воздуха вообще не остается.

– Ты права, – отвечает Левина. – Но, мне кажется, в нем скрыто больше, чем видно на первый взгляд.

– Сомневаюсь, – с усмешкой отвечает Фрэнсис. – Что можно разглядеть в Поуле, кроме фанатичной приверженности своей вере? – Помолчав, она добавляет: – Королева его любит, и неудивительно: он вернул Англию в лоно Римской церкви.

Они выходят черным ходом, спускаются по узкой винтовой лестнице, ведущей из покоев Фрэнсис к восточному выходу из дворца. Во дворе спешивается гонец, весь забрызганный грязью, бросает поводья конюху и, прыгая через три ступеньки, взбегаёт на крыльцо. Интересно, что за новости

²⁵ Могу себе представить (*фр.*).

он привез? Должно быть, о войне императора с французами. Королю тоже не терпится обогреть меч кровью – но, говорят, он останется в Англии, пока не родится наследник.

Деревья в саду чернеют на фоне тяжелого, словно густой суп, февральского неба. Трава перерыта кротами – женщинам приходится обходить высокие земляные холмики. Левина чувствует, как сквозь туфли просачивается влага. Наконец они доходят до беседки. У нее три стены – с четвертой стороны открывается вид на дворец – и голубятня на крыше. В теплую погоду, когда здесь пахнет полевыми цветами, а над головами воркуют голуби, джентльмены и дамы устраивают здесь свидания или просто присаживаются отдохнуть. Теперь голубей не слышно, сыро, вместо цветов пахнет мочой; но Фрэнсис и Левина не заботятся о том, чтобы найти место получше. Они садятся на холодную скамью. На полу зловещая россыпь белых перьев – должно быть, до кого-то из голубей добралась лиса.

– Как же я буду рада отсюда уехать! – говорит Фрэнсис. – В этом месте и стены давят на меня.

Левина с беспокойством смотрит на подругу. Фрэнсис похудела и побледнела, вокруг глаз черные круги.

– Когда ты выходишь замуж?

– Скорее всего, весной. К тому моменту пройдет год с тех пор, как герцог...

Левина кивает. Фрэнсис нет нужды договаривать: весной окончится должный срок траура по ее предыдущему, казнен-

ному мужу.

– Свадьба будет тихая. Никаких торжеств и пиров.

– И ты станешь мистрис Стокс! – Левина смеется, и Фрэнсис с нею. Обе понимают: хоть она и потеряет положение при дворе, но, даже выйдя за простолюдина, для всех останется герцогиней Саффолк и близкой родней королевы.

– Все думают, он охотится за моими землями. Да пусть хоть все забирает – все, что осталось: не высокая цена за то, чтобы выбраться из этого *folie*²⁶. – Подруга улыбается, и в этой улыбке Левине на миг чудится Джейн.

– Девочки поедут с вами?

– Об этом я и хотела поговорить с тобой, Вина, – отвечает Фрэнсис. – Королева говорит, что хочет оставить их при дворе. По крайней мере, Кэтрин.

– Боятся нового мятежа, – размышляет вслух Левина. – Опасается, что партия реформатов попытается посадить Кэтрин на трон.

Всякий раз, пытаясь представить Кэтрин на троне, она невольно улыбается этой мысли. В конце концов, много ли требуется от принцессы, помимо королевской крови и способности производить на свет наследников?

– Сейчас, когда во чреве королевы растет младенец, она чувствует себя спокойнее, однако... да, видимо, дело именно в том. – Фрэнсис сжимает и разжимает руки, лежащие на коленях. – Прямо она этого не говорит, но, несомненно, так

²⁶ Безумие (*фр.*).

и есть.

– А люди верят, что Кэтрин вернулась в католическую веру?

– Верят, *grace a Dieu*²⁷; никто не сомневается, что все Грей теперь добрые паписты. Только... ты же знаешь, каково это. – О да, Левина знает! – Я убедила ее оставить мне хотя бы Мэри, – продолжает Фрэнсис. – Мэри никто не считает угрозой, так что она отправится со мной в Бомэнор, а во дворце будет появляться лишь изредка. Кэтрин отведут отдельные покои.

– Выходит, она больше не будет жить в комнате младших фрейлин под строгим надзором мистрис Пойнтц? – Пожалуй, не слишком хорошее решение, думает Левина.

– Знаю. Это честь для нее.

– Я бы сказала, довольно опасная честь.

Фрэнсис кивает.

– Левина, ты за ней присмотришь? Я беспокоюсь о Кэтрин. Она легкомысленна и порывиста; бог знает, в какую беду дочь может попасть без меня!

– Разумеется, присмотрю! Ты же знаешь, твои девочки для меня как родные. И с Кэтрин буду обходиться, как с собственной дочерью.

– Столько беспокойства из-за истории с молодым Гербертом! Пемброк даже со мной об этом разговаривал.

– О боже! – Левина догадывается, что разговор вышел не

²⁷ Благодарение Богу (*фр.*).

особенно приятный.

– Сына он отослал и, видимо, скоро отправит на войну с французами. Так что они с Кэтрин расстанутся надолго. Знаю, пора думать о том, чтобы подыскать ей другого жениха, но не представляю, кто в здравом уме сейчас захочет связывать судьбу с Греями.

Левина думает о Гарри Герберте: он не старше Маркуса – еще совсем мальчик! И все эти английские мальчишки, сыновья придворных, что готовятся к сражениям на чужой войне... Порой она видит их на арене для турниров: возятся, как щенята, смеются, хорохорятся друг перед другом, еще безбородые, еще по-детски неуклюжие. Невозможно думать о том, что им придется увидеть, какие страдания претерпеть.

– Фрэнсис, я позабочусь о том, чтобы Кэтрин не попала в беду. Обещаю, – произносит она твердо, глядя подруге в глаза.

– И еще одно, – говорит Фрэнсис, понизив голос, хотя рядом никого нет. Достает из рукава сложенный лист бумаги, протягивает Левине. – Прочти.

– Что это? – спрашивает Левина, разворачивая бумагу.

Несколько строк аккуратным почерком. Левина пробегает их глазами. *«Посылаю тебе, моя добрая сестра Кэтрин, эту книгу; пусть переплет ее не украшен золотом – она дороже любых сокровищ мира...»* Письмо Джейн! *«Она научит тебя, как жить, и расскажет тебе, как умирать».*

Перед глазами у Левины встает сцена, навеки запечатлев-

шаяся в памяти: Джейн с завязанными глазами шарит руками перед собой, нащупывая плаху.

– О, Фрэнсис! – говорит она дрогнувшим голосом.

– Я переписала это из Нового Завета Джейн. – Недолгое молчание. – Вина, у меня к тебе просьба. Но ты должна понимать, что свободна отказаться, и если откажешься – я не стану тебя осуждать. Что бы ни случилось, не хочу потерять твою дружбу.

– Что за просьба? Говори.

– Ты сможешь как-нибудь передать это в Брюгге? Может быть, спрячешь в какой-нибудь посылке, которую будешь отправлять родным. Я хочу, чтобы там письмо забрали и отвезли в Женеву. В Женеве живет человек по имени Фокс; он позаботится о том, чтобы его напечатали.

У Левины перехватывает горло, и она не может ответить – только кивает.

– *Merci*²⁸, Вина. Благодарю тебя от всего сердца. – Она крепко обнимает подругу. – Я не позволю ее забыть. Дочь станет светочем новой веры. Как у католиков есть Дева Мария, так у реформированной Церкви будет мученица Джейн Грей. Я принуждена молчать, но голос Джейн пусть звучит и из могилы.

Левина аккуратно складывает бумагу и прячет у себя за корсажем. Как бы это ни было рискованно, она выполнит желание Фрэнсис – ведь ей нужно верить, что ее бедное дитя

²⁸ Спасибо (фр.).

погибло не зря.

Кэтрин

Хэмптон-Корт, апрель 1555

– Гарри Герберт, Гарри Герберт, Гарри Герберт...

Серая лента между пальцами совсем вытерлась – вот-вот начнет рассыпаться от прикосновений. Уже много месяцев я не видела Гарри Герберта, даже весточек от него не получала. Я откладываю ленту и говорю себе твердо: хватит о нем думать! Хватит. А то опять разревусь. Только начала приходить в себя...

Слава богу, ко двору приехала Елизавета; хоть какое-то развлечение. Все мы помираем со скуки, ожидая младенца королевы, который, похоже, не желает появляться на свет. Нет больше ни музыки, ни танцев; целыми днями королева ворочается на кровати с боку на бок, а мы должны молча сидеть вокруг нее! За окном весна, хочется гулять, кататься верхом – но нет, будь любезна сидеть в этой мрачной спальне и портить глаза, вышивая при свечах какое-нибудь одеяльце для будущего принца; а если не шить, так молиться о том, чтобы королева благополучно разрешилась.

Но приехала Елизавета – и теперь, по крайней мере, есть о чем поговорить. О том, что на возвращении принцессы ко двору настоял сам король; как она выехала из Вудстока в страшную бурю, и ветер сдул с нее чепец; как Елизавету раздуло водянкой, так что остаток пути она проделала на носил-

ках, преодолевая не больше полудюжины миль в день; как, когда появилась в окрестностях Лондона, вся в белом и в сопровождении двух сотен всадников, огромная толпа бежала приветствовать ее. Услыхав об этом, королева приказала нам надеть на нее лучшее свободное платье, вышла на балкон и долго стояла там, повернувшись боком, чтобы толпа внизу хорошенько разглядела большой живот.

Похоже на карточную игру: Елизавета выложила свой козырь, королева побила своим – какой козырь сильнее наследника престола? Но, кажется, играть дальше королева не расположена: она отказала своей сестре в аудиенции. Елизавета заперта в своих покоях; комнаты у нее лучше моих – хотя, сказать по правде, и мои очень неплохи, с чудесным видом на пруд. Никому не дозволено видеть Елизавету без разрешения; кухня Маргарет мечтает хоть одним глазком взглянуть на нашу родственницу. Я изображаю безразличие, однако, правду сказать, тоже очень хотела бы на нее посмотреть: Елизавету я видела только издали.

– Не нахожу причин, почему бы нам просто не нанести ей визит, – говорю я кухне Маргарет.

– Никаких причин? – в ужасе переспрашивает она. – Кэтрин, королева запретила!

– А ты ее боишься? – Мне прекрасно известно, что Маргарет стерпит все что угодно, только не подозрение в трусости.

– Еще чего! – тряхнув головой, отвечает она.

– Тогда пойдешь со мной к Елизавете?

Маргарет колеблется: кажется, готова передумать – но она зажата в угол, и деваться некуда.

– Разумеется, пойду! – отвечает она, хоть и без особой уверенности в голосе.

Держась за руки, мы отправляемся в западный коридор, где расположены покои Елизаветы. У дверей дежурит пара стражников. По счастью, один из них мне немного знаком – он был пажом у моего отца в Брэдгейте.

– Хамфри! – говорю я, одаривая его лучшей своей улыбкой.

– Миледи! – отвечает он и густо краснеет, словно на белую скатерть пролили вино.

Улыбка сработала – вот и славно! Я немедленно кладу ладонь ему на рукав. Он краснеет еще гуще. Его товарищ, кажется, смущен сильнее: для таких девушек, как мы, они привыкли оставаться невидимками. Кузина Маргарет, следуя моим наставлениям, задерживает на нем взгляд дольше, чем следовало бы.

– Хамфри, ты умеешь хранить тайны? – спрашиваю я.

– Если это ваша тайна, миледи, со мной она и умрет.

– Отлично! Тогда ты пропустишь нас к леди Елизавете и никому ничего об этом не скажешь.

– Но, миледи... – начинает он.

– Хамфри! – говорю я, притворно нахмурившись и взмахнув ресницами. – Надеюсь, ты не станешь меня разочаровывать?

– Скорее умру, чем разочарую вас, миледи. – Кажется, он говорит довольно искренне. – Однако у леди Елизаветы сейчас посетители.

Едва он произносит эти слова, с той стороны в дверь громко стучат. Мы с кузиной Маргарет бросаемся к оконному проему. Зажимая рот рукой, чтобы сдержать смех, я распахиваю окно и высовываюсь наружу, как будто бы полностью поглощенная видом на лошадиный загон, где щиплют травку жеребье кобылы.

Дверь распахивается; краем глаза вижу, что от Елизаветы выходят епископ Гардинер, мой дядюшка Арундел и еще пара знакомых лиц, чьи имена я не могу припомнить. Впрочем, знаю, что все они – члены Тайного совета.

– ...невероятное создание! – говорит дядюшка Арундел. Должно быть, это он о Елизавете.

Когда они подходят ближе, мы отрываемся от окна и приседаем перед ними в вежливом реверансе.

– О, созвездие моих племянниц! – говорит Арундел, повернувшись к одному из своих спутников; в ярком свете я его узнаю – это Шрусбери. – Какое бы вы подобрали слово для группы родственниц?

– Будь это жены, назвал бы «парной упряжкой», – острит тот. – Но обе они прехорошенькие, так что скажем: «дуэт».

Оба смеются. Остальные нетерпеливо переминаются: должно быть, у них есть дела поважнее, чем любезничать с девицами.

– А что вы, милые дамы, делаете в этой части дворца? – спрашивает Арундел.

У Маргарет такой виноватый вид, что ясно: она вот-вот нас выдаст. Приходится мне взять инициативу на себя.

– Пришли взглянуть на кобылу королевы, которая недавно ожеребилась, – быстро, не давая ей открыть рот, отвечаю я. – Это единственное окно во дворце, откуда хорошо виден лошадиный загон.

Двое мужчин выглядывают в окно, и я показываю им кобылу, рядом с которой переминается на тоненьких ножках кроха-жеребенок. Понятия не имею, что это за лошадь – но, раз она здесь, должно быть, принадлежит королеве.

– Очаровательно! – говорит Шрусбери.

– В самом деле, – соглашается Арундел. – Будем надеяться, ее величество скоро последует примеру своей кобылы.

Все мы на это надеемся: но ребенок что-то не торопится появляться на свет. Он уже сильно запаздывает, и королева, измученная ожиданием и дурным самочувствием, становится злее день ото дня. Повитухи говорят, она неправильно высчитала срок. Кто знает? Я ничего не понимаю в том, как рожают детей – да и о том, как зачать ребенка, знаю немногим больше, и лишь потому, что придворные девицы постарше шепчутся об этом по ночам.

Гардинер нетерпеливо кашляет, и все идут дальше. Когда они скрываются за поворотом, я тяну кузину Маргарет за рукав к двери, где ждет верный Хамфри. Все, что от меня тре-

буется – еще одна улыбка; и дверь приоткрывается ровно настолько, чтобы мы проскользнули внутрь.

Входим мы настолько тихо, что никто из женщин в другом конце просторной комнаты нас не замечает. Я не узнаю никого из них, кроме самой Елизаветы. На ней черное платье, очень простое – совсем не такое, как вычурные наряды королевы. Две дамы развязывают ей рукава, еще одна расшнуровывает верхнее платье и спускает его с плеч, так что Елизавета остается в одном алом корсаже, по контрасту с которым ее кожа кажется сияюще-белой. В таком виде – без верхнего платья, но в чепце, со сверкающими темными глазами и гордо поднятым подбородком – она похожа на Афины в шлеме, богиню из древних мифов. Прочие дамы, даже те, что хороши собой, рядом с ней безнадежно теряются.

– ...думают, я так глупа, что признаю свое участие в мятеже Уайетта, – говорит она. – Но только глупец станет ждать от меня подобной ошибки. Меня не прельщает судьба кухни Джейн Грей.

Услышав имя своей сестры, я ахаю, и вся компания оборачивается к нам. Я судорожно сглатываю: под их взглядами даже мне становится не по себе. Все здесь старше нас, самое меньшее, лет на десять и смотрят угрожающе; меня охватывает искушение показать тыл. Кухина Маргарет судорожно вцепляется мне в запястье – того гляди, руку оторвет! Но я беру себя в руки и почтительно опускаюсь на колени, радуясь, что на мне сегодня новое платье и жемчуга *taman*.

Елизавета, похоже, меня не узнает, так что я говорю:

– Миледи, мы ваши кузины. Я Кэтрин Грей, а это Маргарет Клиффорд, в недалеком будущем леди Стрэйндж. Мы пришли приветствовать вас в Хэмптон-Корте.

Увы, все эти дамы – не Хамфри, на них моя улыбка не действует. На Елизавету, кажется, особенно.

– Вас прислала моя сестра? – резко спрашивает она.

– Мы пришли по собственному желанию, миледи. – Мы все еще стоим на коленях, и она не делает нам знака встать.

– Не знаю, почему вы решили, что мне захочется вас видеть, – отрезает она, садится и берется за книгу.

Я напряженно придумываю подходящий ответ, но, по правде сказать, ничего не идет в голову. Елизавета нетерпеливо постукивает пальцами по обложке, а ее дамы пялятся на нас, как горгоны.

– Вы, Кэтрин Грей, принадлежите к семье предателей, – чеканит Елизавета. – Ваши отец и сестра совсем недавно были казнены за измену. С чего вы взяли, что я пожелаю иметь с вами дело?

– Тому, кто живет за стеклом, не стоит бросаться камнями! – слова вырываются у меня раньше, чем я успеваю себя остановить – выпрыгивают изо рта жирной уродливой жабой.

– Убирайтесь! – Это шипит не Елизавета, а одна из ее горгон. Широким шагом подходит к нам, хватая за шкурки и без церемоний выталкивает за дверь.

Я успеваю заметить, как Елизавета, словно ничего не произошло, раскрывает книгу. И уже с порога слышу ее голос:

– Эти Грей все еще надеются рано или поздно сесть на трон. Но у них ничего не выйдет. Я позабочусь.

«Какая чушь! – думаю я. – Как я могу попасть на трон? У королевы есть законный наследник – ее ребенок, что вот-вот появится на свет. Да и не хочу я никакого трона! Впрочем, Джейн тоже не хотела...»

Стыдно признаться, но Елизавета сумела-таки меня напугать. И все же я невольно восхищаюсь силой ее духа, и какая-то часть меня мечтает завоевать ее дружбу, хоть в глубине души понимаю, что это невозможно: она намного страшнее даже нашей нынешней королевы. В следующий миг сердце у меня падает: я осознаю, что, даже не успев толком познакомиться, в ее лице нажила себе врага. Будем надеяться, королева не оставит свою сестру при дворе, а отошлет обратно в Вудсток, или – что еще лучше – ее все-таки отправят на континент и выдадут за герцога Савойского.

– Знаешь, а ведь она права, – говорит кузина Маргарет, когда мы выходим в длинную галерею. Я слушаю вполуха: кузина Маргарет вечно болтает всякую ерунду. – Твоя семья потеряла права на престолонаследие.

Чувствую, как во мне закипает гнев. Вспоминаю убитого отца, бедную сестрицу Джейн, чью жизнь оборвали в самом начале. В горле встает огромный ком; я не могу сказать того, что должна сказать, чтобы защитить свою семью и заставить

эту дуру Маргарет заткнуть.

– Так что теперь наследница престола после Елизаветы – я! – радостно объявляет Маргарет.

Этого вынести я уже не могу; схватив ее левой рукой за плечо, разворачиваю к себе и правой даю пощечину.

Маргарет визжит как поросенок. Визг наполовину при-творный: она рослая, крупная девушка, я вдвое ее меньше, и моя маленькая рука никакого вреда ей не причинила. Вон, на щеке и следа не осталось. Но я, как обычно, забылась, переступила грань – и теперь, когда эту историю услышат другие, буду выглядеть чудовищем. Кузина Маргарет бросается бежать по галерее, визжа, словно за ней гонится медведь: дальше ее будут утешать, хлопотать над ней – и винить во всем меня.

Бог знает, что теперь со мной будет: за какой-то час умудрилась нажить себе двоих врагов! Ах, если бы *tatan* и Мэри не уехали в Бомэнор! Без них мне не справиться; я здесь сама себя утоплю. Вот с Джейн никогда бы такого не случилось... и в кои-то веки я жалею о том, что непохожа на сестрицу Джейн, что не склонна побольше думать о Боге и поменьше – о себе.

Мэри

Бомэнор, июль 1555

Мы с Пегги Уиллоуби сидим на берегу озера и плетем венки; один конец цветочной гирлянды у нее в руках, другой у меня. По этому озеру с царственной неторопливостью плавают лебедка, которую мы прозвали Афродитой, и с ней выводок из полудюжины птенцов. Каждый день после уроков мы с Пегги бежим к озеру проверить, все ли лебедята на месте, не утащила ли за ночь кого-нибудь лиса.

Сегодня первый солнечный день за много недель. Погода хуже некуда: фермеры боятся, что пропадет урожай, крестьяне тревожатся, что зимой нечем будет кормить семью. Многие винят за напасти королеву: она принуждает народ вернуться к старой вере, вот, мол, Бог и гневается на нас. Каждую неделю приходят вести о новых арестах. Слуги только об этом и говорят. *Матап* считает, одними священниками дело не кончится: скоро найдут повод хватать и мирян. Даже здесь, в Бомэноре, в сельской глуши, окруженные только друзьями, мы должны ходить к мессе, слушать латинские молитвы и непременно поднимать глаза на гостию.

– Вон она! – кричит Пегги, когда на водной глади появляется Афродита.

Трое малышей у нее на спине – над крылом едва виднеются пушистые серые головенки; еще двое плывут следом.

– Одного не хватает! – с тревогой восклицает Пегги, отвечая моим мыслям. Но, не успеваем мы испугаться, как из камышей появляется и последний птенец.

Мы встаем и идем за ними по берегу; Афродита вертит головой и косится на нас, проверяя, не представляем ли мы угрозы. Подальше, там, где над водой склоняется плакучая ива, она выходит из воды – и, разом утратив изящество и царственные манеры, неуклюже шлепает по грязи к гнезду, а птенцы гуськом бегут за ней.

Мы ложимся под дерево, и его зеленый шатер вздымается над нами, словно купол собора. Сквозь листву сочится солнечный свет, серебристыми каплями падает на влажную глину, бросает на лицо Пегги зеленоватый отсвет. Она начинает напевать песенку, которую мы все утро разучивали с учителем музыки:

*Увы, что делать мне с любовью,
Куда бежать мне от любви?*

Я делаю вид, что перебираю струны воображаемой лютни, а сама думаю о том, как же хорошо здесь, в Бомэноре, как я рада, что не осталась при дворе ждать появления на свет ребенка королевы. Несколько дней назад пришла весть, что родился мальчик, и в церквях четыре часа кряду звонили в колокола; но потом оказалось, что это ошибка. Никто не родился. Колокола умолкли, все мы по-прежнему ждем.

*Любовь дарует лишь страданья,
Но без нее...*

– Интересно, – говорит Пегги, – почему все стихи о любви такие унылые?

– Наверное, это поэтический взгляд на мир, – отвечаю я. – Вот *татап* и Стокс любят друг друга, но они совсем не унылые!

Это правда. Стокс ее обожает: никогда не замечала, чтобы наш отец смотрел на *татап* такими влюбленными глазами. И саму *татап*, кажется, я прежде не видывала настолько спокойной и довольной. Хотя однажды обратила внимание, что она смотрит на меня со слезами на глазах. Когда спросила об этом, она ответила: «Знаешь, под таким углом ты очень похожа на свою сестру Джейн».

– Мэри, как я рада, что мы с тобой здесь, а не при дворе! – Пегги переворачивается на живот и улыбается мне своей раздвоенной губой.

– Я тоже, – отвечаю подруге.

Мы в двух днях быстрой езды от Хэмптон-Корта; две смежные гонцов беспрестанно снуют между дворцом и Бомэнором, так что нам известны все последние придворные новости. Бомэнор – солидный дом с серьезным штатом прислуги, однако здесь и близко нет такого многолюдства и суеты, как в Хэмптон-Корте – и этим я очень довольна.

– Хотела бы я всегда вести такую же тихую жизнь!

– М-м-м... – отвечает Пегги, погруженная в собственные мысли.

Я представляю Кэтрин в Хэмптон-Корте. Теперь у нее собственные покои. Воображаю, что там творится! Повсюду разбросаны платья и прочее, вокруг носятся собаки и усугубляют беспорядок, за ними гоняются слуги, а Кэтрин в лучшем наряде изображает хозяйку дома – принимает у себя других девиц. Жить в личных покоях – немалая честь; да и приятно стать самой себе хозяйкой, не делить комнату с соседками, скрыться от пристального взора вездесущей мистрис Пойнтц. Должно быть, Кэтрин тоже довольна жизнью.

Я на ее месте непременно задалась бы вопросом, чем заслужила такую честь и чем придется расплачиваться. Но в Кэтрин нет подозрительности. Она присылает нам небрежно нацарапанные письма, до краев полные придворных сплетен. Пишет, что король заглядывается на младших фрейлин, что однажды он зажал в углу Магдален Дакр, и та перепугалась до полусмерти. (Признаться, меня радует, что у Магдален Дакр неприятности.) Пишет, что улучила момент и сумела одним глазком взглянуть на Гарри Герберта, когда он на арене для турниров упражнялся в верховой езде. Однако больше всего Кэтрин пишет о королеве. Минуло десять с половиной месяцев, и даже Фридесвида Стерли, ближайшая фрейлина, пришла к мысли, что королева приняла желаемое за действительное, и никакого ребенка попросту не было. По словам Кэтрин, основную часть дня королева сидит в спаль-

не с опущенными шторами, на кровати, свернувшись клубком и подтянув колени к подбородку, и раскачивается взад-вперед. Всем известно, беременная женщина в такой позе сидеть не может. Одни над ней смеются, другие не знают, что и думать. Вспоминаю, как отчаянно королева желала ребенка. Об этом она говорила со мной за день до моего отъезда.

– Мэри, – сказала она, поглаживая живот, – Господь смиловался надо мною за мою преданность Ему, за то, что я восстановила в Англии истинное христианство. Во мне растет маленький богоданный принц, и это так радостно, что и не описать!

Но я не чувствую к ней сострадания; оно умерло в тот же день, что и Джейн.

Впрочем, *tata* молится о том, чтобы младенец благополучно появился на свет. Испанец или нет, говорит она, но он отодвинет нас на ступень дальше от трона. Однако, очевидно, королева ошиблась: столько времени беременность не длится – даже я знаю. *Maman* беспокоится о Кэтрин, и я тоже: из писем видно, что у нее не обходится без приключений. Кэтрин поссорилась с кузиной Маргарет – впрочем, такое и раньше случалось. Хуже всего строчки из последнего письма: «*Король увлечен Елизаветой, а королева злится и едва здоровается с сестрой. Что же до самой Елизаветы, то, учитывая, что мы с ней кузины, она могла бы обойтись со мной дружелюбнее*». Больше Кэтрин ничего не написала – но и этого достаточно, чтобы вселить в *tata* беспокойство.

– Елизавету я знаю с детства, – сказала мне *tatan*, – и знаю, что с ней лучше не ссориться. Надеюсь, Кэтрин хватит ума не затевать с ней вражду; от этого она ничего не выигрывает.

Мне показалось, что *tatan* не слишком-то любит Елизавету; но больше она об этом не говорила.

В листве наверху шелестит дождь, и несколько капель падают мне на руку, однако зеленый купол надежно защищает от непогоды. Я думаю о бедных фермерах, которых так угнетает дождливая погода. В кои-то веки выдался ясный денек – и здравствуйте, опять дождь! Зимой людям придется голодать; но ничто не остановит роскошные придворные пиры с жареной дичью, с десятком перемен блюд, с бесконечными грудами пышных белых булок, с марципановыми фигурками и морем вина.

– Не понимаю, почему мир так несправедливо устроен, – говорю я вслух.

– О чем это ты? – спрашивает Пегги.

– Я думала об урожае. Что же будет после всех дождей?

– Говорят, бедные ближе к Небесам, – замечает Пегги, вертя в руках сухой лист.

– Кажется, королева думает иначе, – отвечаю я. Мне вспоминается библейская притча: богач и игольное ушко. – Чаше всего люди верят в то, что облегчает им жизнь и ничего от них не требует. – Об этом мне не раз говорила *tatan*.

– Для королевы вообще все иначе. – Пегги приподнима-

ется на локтях и смотрит вверх. – А мы должны принимать Божью волю. Господь создал нас именно такими и поместил каждого на свое место в мире, потому что у Него были на это причины. Он знает, что делает. Не нам с Ним спорить.

– Ну и зачем, по-твоему, Бог создал тебя с заячьей губой? – спрашиваю я.

– Вот это как раз был совсем не Бог! – восклицает Пегги, изумленная тем, что я не знаю таких простых вещей. – Заячья губа – след дьявольского копыта. Дьявол хотел вытащить меня из материнской утробы!

– Твоя мать тебе рассказала?

– Зачем? Это все знают. – Она трогает губу кончиками пальцев. – Дьявол счел меня своей и пометил, но тут вмешался Бог и меня спас!

– Должно быть, меня дьявол тащил из утробы за плечи, – вздыхаю я.

– Ну конечно! – совершенно серьезно отвечает Пегги.

Иногда я завидую ее простодушию. В мире Пегги все просто и ясно, а вот я словно пробираюсь сквозь чашу размышлений и сомнений.

– Что же, выходит, на самом деле мы с тобой злые создания, как Ричард Третий? – Я сейчас читаю книгу Томаса Мора об этом злом горбатом короле.

– Нет, что ты! – восклицает Пегги, пожалуй, громче, чем нужно. – Наоборот, мы хорошие, раз Бог решил, что нас стоит спасти!

– Утешительная мысль, – говорю я. – Это в Библии так написано?

Вообще-то в Библии – в книге Левит – написано, что человек, имеющий на себе пятно или порок, не вправе приближаться к алтарю. Но Пегги я этого не говорю: пусть для нее все останется просто и понятно.

– Это все знают! – твердо отвечает она.

Я не смеюсь над ней: мне нравится ее простота и цельность, нравится, что подругу не осаждают вопросы, на которые нет ответов. Я сомневаюсь не в Боге, но в человеческих представлениях о Нем. Только как объяснить это Пегги – или кому-то еще? О таких вещах я могла говорить только с Джейн; но сестры больше нет.

– Дождь перестал, – говорит Пегги, взглянув вверх.

Я тоже поднимаю глаза. Солнце вышло из-за туч, и сквозь листву сочится ослепительный свет – столбы золотого света. Интересно, для Пегги это тоже знак благословения Божьего? Она поднимается на ноги, помогает встать мне и ведет за руку к воде, туда, где Афродита устроила гнездо себе и детям. Мы осторожно заглядываем за куст. Афродита встречает нас свирепым взглядом, открывает клюв и грозно шипит, словно приказывает убираться подобру-поздорову – и мы со смехом бежим по мокрой траве к дому.

– А ты знаешь, – говорит Пегги, – что у лебедки хватит сил сломать человеку руку, если человек угрожает ее птенцам?

– Любая мать так же... – но тут я обрываю себя, вспомнив,

что у Пегги нет матери, и меняю тему: – Как ты думаешь, у королевы все-таки родится ребенок?

– Точно знаю одно: если не родится – тебе придется вернуться ко двору.

Мэри

Гринвич, сентябрь 1555

– Кардинал Поул! – подзывает королева, и он подходит туда, где сидим мы: я у нее на коленях, взамен ребенка, который так и не появился на свет. Пегги была права: меня вновь призвали ко двору. Кардинал приближается медленно, сильно хромя, и полы алой мантии колыхаются вокруг его ног.

– Садитесь, садитесь, – говорит королева и хлопает по пустому сиденью возле себя. Это место предназначено для короля, и кардинал колеблется. – Мы здесь одни, – добавляет она с ободрительным кивком.

Глаза у королевы красные, лицо опухло. С тех пор, как король уехал на войну в Нидерланды, она плачет с утра до вечера, да и по ночам – это многие слышали – воеет и рыдает навзрыд у себя в спальне. В ее присутствии все мы стараемся не привлекать к себе внимания, опасаясь вызвать взрыв гнева.

Кардинал молчит, но обводит взглядом комнату, в которой, кроме нас, собралось еще с полдюжины дам; однако все они заняты своими делами и не смотрят в его сторону.

– И нашего мужа здесь нет. Он нас покинул, отправился на войну в чужие страны! – С этими словами она ударяет кулаком по подлокотнику кресла и шумно выдыхает, на манер разъяренного быка. – Садитесь же!

Кардинал, явно смущенный, наконец пристраивает свой обширный зад в соседнее кресло. Королева трет и похлопывает меня по спине, словно младенца; я отчаянно напрягаю мозги, придумывая предлог сбежать отсюда – подальше от ее цепких рук, подальше от гнева, готового разразиться в любую минуту.

Я при дворе уже неделю. Младенец так и не появился на свет. Вся эта история окутана тайной, о ней не говорят – во всяком случае, не говорят там, где может услышать королева.

– Ничего и не было, – сказала мне Кэтрин. – Зря мы просиживали целые дни в темной спальне.

Об этом ходят разные толки: кто-то говорит, что королеву околдовали, кто-то – что за ребенка она приняла скопление газов. Большинство считает, что она скрыла выкидыш. Мне не положено знать о подобных вещах – считается, что я еще слишком мала; но я знаю. Как бы там ни было, теперь королева сражена горем. А это значит, мне снова приходится изображать куклу. *Матан* упросила королеву через месяц вернуть меня домой; однако, пока месяц не прошел, меня таскают и тискают, вертят и мнут, и сжимают в объятиях, словно я и есть тот исчезнувший младенец. С каждым назойливым прикосновением во мне растут отвращение и ненависть.

Разумеется, теперь, когда оказалось, что наследника нет и не будет, при дворе началось волнение, бесконечные толки и пересуды. Многие посматривают на Елизавету и поговаривают о браке между ней и Эдвардом Куртенэ, каким-то План-

тагенетом, давно скрывшимся за границей. Кузина Маргарет убеждена, что следующая в линии наследования – она; но никто, кроме нее самой, так не думает. Некоторые посматривают на Кэтрин. А я думаю только о Джейн, о том, чем это для нее закончилось. *Матап* наставляет Кэтрин вести себя скромно и осмотрительно, не привлекать к себе внимания; не знаю, возможно ли такое.

– Чем могу служить, ваше величество? – Кардинал наклоняется к нам, сцепив руки на животе.

– Ради бога, мы же одни, давайте хоть сейчас обойдемся без формальностей! Если не хотите вспоминать имя, которым меня окрестили, – зовите меня «мадам».

Хочется крикнуть: «Вы не одни – здесь я, Мэри Грей!» – но я, разумеется, молчу.

– Мадам, – повторяет он, смиренно склонив голову.

Она хватает его за руку и понижает голос до шепота:

– Господь гневается на нас!

– Мадам, такого не может быть. С вашим благочестием...

Она не дает ему закончить.

– Нет! Он забрал младенца, Его дар нам. Он считает, что нам чего-то недостает. – Ее шепот напоминает мне яростное шипение Афродиты. – Мы должны еще глубже выказать нашу веру. Для этого нужна ваша помощь.

– Может быть, паломничество? – предлагает кардинал.

– Нет, не то! – все так же, шепотом, твердо отвечает королева. Я чувствую на затылке ее горячее дыхание. – Палом-

ничество совершают в благодарность. Мы верим, Бог просит нас доказать свою веру, как Авраама.

О какой истории Авраама она говорит? Я хорошо помню только одну: про Авраама и Исаака. В Хэмптон-Корте есть гобелен: маленький Исаак, открыв рот в беззвучном крике, с ужасом смотрит на отца – а тот заносит над ним нож.

– Когда мы восстановим монастыри... – начинает кардинал.

– Да, разумеется, – перебивает она. – Только это не главное. Прежде всего мы должны истребить всех еретиков в королевстве! Так мы порадуем Бога, и Он пошлет нам наследника.

Кардинал молчит, однако на лице у него написан вопрос: «Но как?»

– Будем арестовывать всех, – продолжает она с такой энергией, что мне на щеку летят брызги ее слюны. – Каждого, кто выкажет хоть малейший признак склонности к ереси. И, если не отрекутся, будем сжигать всех – всех до одного! – Теперь она так сжимает подлокотник, что костяшки ее походят на белые камешки.

– Мадам, – с нескрываемым ужасом говорит кардинал, – вы порадуете Бога, если проявите милосердие!

– Милосердие? – Снова яростное шипение Афродиты. – Не время для милосердия, кардинал! Первыми сожжем Кранмера, Латимера и Ридли – и пусть это послужит предупреждением для всех! А потом избавимся и от остальных.

– Если таково желание вашего величества...

– Не просто желание. Это приказ. Мы хотим, чтобы вы поговорили с епископом Гардинером... и с Боннером. Вот человек, который меня понимает!

– Он один из верных, мадам.

В последнее время много говорят об архиепископе Кранмере; люди гадают, какую судьбу уготовила ему королева. Другие имена тоже мне известны. Латимер был капелланом у второй жены моего деда, я помню его с раннего детства; Ридли тоже часто наезжал в Брэдгейт. Люди, близкие нашей семье. Я медленно касаюсь пальцем лба, сердца, одного плеча и другого.

– А, малютка Мэри! – говорит королева. – Ты тоже одна из верных: теперь, когда мы избавились от твоего предателя-отца и...

Она не договаривает – должно быть, хотела и мою сестру Джейн причислить к людям, без которых мир стал лучше. Смотрит на меня с улыбкой, похожей на гримасу, – и я не осмеливаюсь отвечать из страха, что скажу правду. Выпалю ей в лицо, что не имею и не хочу иметь ничего общего с ее жестокой, извращенной верой! Каким-то чудом мне удастся улыбнуться в ответ и склонить голову, надеюсь, с видом покорности.

– Ты ведь из верных, Мэри?

Она сверлит меня глазами, словно пытается проникнуть под кожу, в самую мою реформатскую душу. Я снова молчу

– боюсь, что дрожь в голосе меня выдаст; только киваю и крепче сжимаю четки.

– Вокруг нас, кардинал, множество людей, которые не таковы, какими кажутся. Быть может, и Мэри одна из них? – Она больно тыкает меня в плечо. Я морщусь. – Она и ее предательская семейка! Посмотрите, как девчонка напугана! Как думаете, чего она боится?

Я хватаю воздух ртом; сердце так колотится, что королева наверняка его слышит. Что сделала бы Джейн? Сказала бы правду и умерла за свою веру.

– Кардинал, может быть, нам приказать Боннеру ее допросить? Боннер умеет и из камня выжать признание!

– Мадам... – говорит кардинал и кладет ладонь ей на рукав. Она смотрит на его руку, в лицо, снова на руку. – При всем уважении, она же совсем ребенок! Мэри, сколько тебе лет?

– Десять, – с трудом выдавливаю я.

– Вполне достаточно! – бормочет королева.

Звон колокола в дворцовой часовне громом отдается в ушах. Кардинал ерзает в кресле, а королева сталкивает меня с колен и говорит:

– Ладно, Мэри, беги. А перед мессой пусть кардинал выслушает твою исповедь.

Стараясь не спешить, я направляюсь к дверям.

– И, Мэри...

Я поворачиваюсь к королеве, сцепив руки, чтобы она не

заметила, как они дрожат. Сердце бьется где-то в горле. Взгляд у нее твердый и прозрачный, как стекло.

– Имей в виду: я с тебя глаз не спущу!

Я приседаю в реверансе, думая только о том, что скоро, совсем скоро смогу выйти из опостылевшей комнаты. Цепляюсь за эту мысль, как за спасение.

– В самом деле, кардиналу стоит выслушать твою исповедь. Вы ведь умеете отделять зерна от плевел, не так ли, кардинал?

От мысли исповедоваться этому человеку, который, несомненно, распознает все скрытые в моей душе ереси, мурашки бегут по коже. Как за свое спасение, я хватаюсь за образ Джейн. Что она сказала бы? «Будь стойкой, Мышка». И этот образ дает мне силы заговорить:

– Ваше величество, я не заслуживаю подобной чести.

– Вот как? Почему бы это?

– Должно ли кардиналу тратить свою премудрость на такое ничтожество, как я?

– Пф! – Королева машет на меня рукой, словно отгоняя муху. Значит, пора уходить.

Передумала ли она? Не знаю.

Путаясь в коридорах-лабиринтах Гринвичского дворца, с трудом находя дорогу, я со всех ног бегу в покои Кэтрин. Перед глазами стоит столб, к которому меня привяжут и сожгут живьем. Самой Кэтрин нет, а в комнатах у нее веселая суматоха: паж пытается вывести ее собак на вечернюю про-

гулку; они, считая это игрой, прыгают вокруг него, громко лают и не дают надеть на себя ошейники. Когда он наконец уходит, я скидываю верхнее платье, бросаюсь на кровать и лежу тихо, успокаивая сбившееся дыхание, следя за игрой света, сочащегося сквозь ветви деревьев за окном, заставляя себя думать о чем угодно, только не о том, что произошло.

Под подушкой чувствую что-то твердое. Сунув туда руку, обнаруживаю книгу. Греческий Новый Завет Джейн. Я прижимаю его к сердцу и вспоминаю слова погибшей сестры. Но вдруг мне приходит в голову: ведь книга может нас уличить! То, что написала Джейн на форзаце, – для католиков ересь. Голова снова идет кругом: сколько еще вещей, самых невинных на вид, могут оказаться уликами против нас? Открываю большой сундук и засовываю Новый Завет в самый низ, под грудку платья и одеял. Непременно заберу его с собой в Бомэнор, когда поеду домой – будем надеяться, скоро!

Появляется Кэтрин – и, увидев меня, сразу спрашивает:
– Что случилось, Мышка? Ты бледная как привидение! Не заболела?

Я пытаюсь объяснить, что произошло, но начинаю дрожать и путаться в словах. Кэтрин сцепляет свой мизинец с моим и приговаривает ласково, как ребенку:

– Не надо, маленькая, не надо! Все пустяки, все хорошо!
– Нет, Кэтрин, это важно! – отвечаю я, выдернув руку. – Люди, которых хотят сжечь, близки к нашей семье. Значит, и мы в опасности.

– Не тревожься, – отвечает она, подавляя зевок. – Они умрут как мученики за свою веру. Могли бы обратиться, но не обратились – значит, сами это выбрали.

– Как Джейн?! – выпаливаю я, и лицо Кэтрин искажает-ся гримасой боли. – Мы лишь прикидываемся католиками. Чтобы понять это, к нам даже особенно приглядываться не нужно. И ты не хуже меня знаешь, что делают с людьми, из которых хотят выпытать правду.

– Ох, Мышка! – Она встряхивает головой, словно хочет вытряхнуть из ушей мои слова. – Мы же ходим на мессу? Ходим. Значит, и говорить не о чем. Впрочем, забери книгу Джейн с собой в Бомэнор, если хочешь. Если так тебе будет спокойнее.

От мысли, что книга Джейн теперь будет у меня в руках, словно моя, становится чуточку легче – но совсем чуть-чуть.

– А есть в твоих вещах еще что-то крамольное? – спрашиваю я.

– Не знаю. Не думала об этом.

– Но...

Я останавливаюсь на полуслове. Что толку описывать ей разъяренное шипение и остекленелый взгляд королевы? Беззаботность Кэтрин меня злит; хотелось бы, чтобы она разделила мою тревогу, вместе со мной перебрала вещи и спрятала подальше все подозрительное. Но Кэтрин такая, как есть: ее не переделаешь.

Одно из самых ранних моих воспоминаний о Кэтрин –

очень яркое, и сейчас стоит перед глазами – сцена в Брэдгейте, когда конюх пришел сообщить о смерти ее любимого пони. Помню, как он стоит перед ней, понурившись, сам с красными глазами, пытается сказать что-то еще, а она крепко зажмурилась, заткнула уши и кричит сквозь слезы: «Я не слушаю, не слушаю!».

Вот и теперь она говорит:

– Лучше всего просто об этом не думать.

Часть вторая

Незабудка

Левина

Ладгейт, январь 1558

– В-вина! – говорит Георг, глядя на Левину тоскливыми собачьими глазами. – Прислушайся к голосу разума!

Как муж, он вправе приказывать жене; но это не приказ, а мольба.

Она комкает в руках лист бумаги, скатывает его в тугой шар. Это памфлет, предупреждающий, что епископ Боннер вышел на охоту за запрещенными книгами. Если бы он жег только книги! Но гибнут на кострах и люди: почти две с половиной сотни за последнюю пару лет, с тех пор как Англия вернулась в лоно Римской церкви. Вся страна задыхается от запаха жареной человечины. Началось со священников: она помнит, как впервые услышала, что к сожжению приговорены Латимер и Ридли – и даже сейчас, почти три года спустя, при воспоминании об этом слезы комом встают в горле.

С Латимером она познакомилась, когда первый раз приехала в Брэдгейт писать Греев. Кажется, пять лет назад; время нынче утекает, словно вода сквозь пальцы. Латимер оча-

ровал ее тонким умом и какой-то обезоруживающей мягкостью. Они много говорили о Кальвине: то было в царствование юного короля Эдуарда, когда Кальвина, Лютера и даже Цвингли можно было обсуждать в полный голос, когда они считались мыслителями и учителями церкви, а не еретиками. Как все изменилось! Но и сейчас в ней жив тот душевный подъем, что вызывали их разговоры: оправдание одной лишь верой, символическая природа таинств – все это будило мысль и рождало чувство безбрежного простора, словно она, как Христофор Колумб на пороге своего открытия, отправлялась в плавание на поиски духовного Нового Света.

Знакомство с Латимером вызвало в ней и неожиданные личные чувства к этому человеку. Нельзя сказать, что он привлек ее как мужчина – скорее, заморозил собственными идеями. Но думая о нем, даже сейчас, она ощущает некое волнение плоти, хоть все их общение и было вполне целомудренным. Левина бросает скомканную бумагу в огонь, смотрит, как она горит, пытается представить, каково это – гореть на костре? Нет, невозможно о подобном даже думать. Немыслимо. Может быть, если прижать палец к горящим углям, она сможет хоть в малой мере ощутить...

– В-в-вйна! Скажи хоть что-нибудь!

Георг касается ее руки. На кисти у него, в развилке меж набухшими венами, она замечает темное пигментное пятно, которого раньше здесь не было. Еще несколько лет, и муж превратится в старика. Время бежит неумолимо; им с Георг-

гом не стать снова молодыми – а Хью Латимеру никогда не состариться; при этой мысли глаза ее тяжелеют от непролитых слез.

– Отправим Маркуса в Брюгге к твоим родителям, – говорит она.

Но все еще думает о Хью Латимере, о его последних словах, прозвучавших, когда палачи запалили костер. «Настанет день, – так сказал он, спокойно и звучно, – когда тьма костров сменится светом истинным; и этот свет вам не погасить». Какая убежденность – и сколько мужества! Хотела бы Левина иметь хоть вполовину столь же сильную веру! Увы, ее душа полна сомнений и страха за себя. Хоть она и делает то небольшое, что может, чтобы тьма не поглотила свет; уже не раз она отсылала в Женеву рассказы свидетелей о тех ужасах и злодеяниях, что творятся в Англии в царствование королевы Марии. К некоторым историям прилагала свои рисунки – наброски пером или углем. Особенно памятен ей рассказ о женщине с острова Мэн, что родила на костре. Левина никогда не была на острове Мэн, даже не слышала о нем прежде, но сожжений видела уже достаточно, и ей не составило труда вообразить всю картину: толпа, окружившая костер, пламя, лижущее ноги несчастной женщины, ее распяленный в крике рот, и – страшно даже думать – священник, швыряющий младенца обратно в костер, чтобы он сгорел вместе с матерью. Этот рисунок ей пришлось не раз бросать и начинать сызнова: чернила расплывались от слез.

– Кстати, а где Маркус? – спрашивает вдруг Георг как ни в чем не бывало, словно позабыв, что ведет жаркий спор. Впрочем, в последние дни они постоянно спорят.

– Пошел на свидание с дочкой Кэрратов. С цветами!

При мысли, что Маркус ухаживает за девушкой, она невольно улыбается. Трудно поверить, что ее сын – уже совсем мужчина! Девятнадцать лет – достаточно... почти для всего. Например, для того чтобы быть призванным в королевскую армию и идти воевать с французами. Ей представляется поле боя, усеянное мертвыми и умирающими; искаженные болью лица, изуродованные, корчащиеся в муках тела – словно сцена с полотна Босха. В самом деле, лучше бы Маркусу уехать в Брюгге. Хотя безопасно ли там? Ведь Брюгге принадлежит императору. Но, как бы там ни было, сейчас на Континенте лучше, чем в Англии.

– С Элис Кэррат? Что ж, могло быть и хуже! – ворчит Георг, а затем, словно вдруг вспомнив, о чем они говорили, добавляет: – А мы, Вина? Мы ведь тоже можем уехать с ним вместе.

Этот разговор повторяется между ними снова и снова.

– Нет, – коротко отвечает Левина и встряхивает головой, стараясь изгнать из мыслей ужасные образы.

Не только на поле боя гибнут невинные. Нынче никто, нигде не в безопасности. Даже в последние годы правления Генриха Восьмого, когда весь двор ходил на цыпочках, когда не понимали, во что нынче требуется верить, – и тогда

было не так, как сейчас. Теперь достаточно малейшей тени подозрения, чтобы тебя отправили на костер. Нельзя доверять даже близким друзьям. И не дай бог повздорить с соседом: достаточно ему заявить, что ты не ходишь на мессу или читаешь Библию на английском языке – и родные тебя больше не увидят. Самые пустячные ссоры и раздоры нынче кончаются на костре: чтобы погубить человека, нужно лишь ткнуть в него пальцем и закричать: «Еретик!» Больше двух лет длится этот ужас... Георг прав: чем дальше от злосчастных английских берегов, тем лучше.

– Я твой муж, – говорит он. – Ты обязана мне повиноваться. – Однако в голосе не слышится уверенности.

– Я дала слово.

– Да-да, слышал я о твоём обещании! Но п-п-подумай, Вина. Мать их жива. Неужто она не сможет сама позаботиться о дочерях?

Речь идет о Фрэнсис и ее девочках, за которыми Левина обещала присматривать и их оберегать.

Она молча качает головой, не в силах объяснить, как привязалась к Греям, как любит этих девочек и Фрэнсис, как казнь Джейн, которой она стала свидетельницей, создала нерасторжимую связь между нею и этой семьей. Нет, она не бросит дорогих сердцу людей; и есть ощущение, что она действительно защищает их от беды – особенно Кэтрин, милую ветреницу и сумасбродку Кэтрин. Ей уже восемнадцать – плод созрел. Быстро посчитав в уме, Левина соображает,

что Мэри тринадцать. В Бомэнор, где живут сейчас Фрэнсис и Мэри, ей в последнее время съездить не удавалось.

Левина вспоминает, как королева допрашивала Кэтрин о портрете Джейн. Сьюзен Кларенсьё, старая проныра, вечно сующая нос, куда не просят, нашла миниатюру в вещах Кэтрин.

– Но это просто память о сестре! – говорила Кэтрин; а Левина, стоявшая рядом, бросала на нее выразительные взгляды и молчаливо умоляла придержать язык.

– Твоя сестра – изменница! – шипела Сьюзен Кларенсьё.

– Мы не хотим, чтобы нам напоминали о ней, – громко объявила королева. – Сьюзен, брось его в огонь.

Благодарение Господу, Кэтрин хватило духу промолчать и стоять спокойно, глядя в пол, пока пламя пожирало портрет ее сестры – портрет, написанный Левиной. На сей раз подозрения королевы не пошли дальше – погубив портрет, она успокоилась; но в последнее время она становится все более непредсказуемой. А с Кэтрин никогда не угадаешь, что она выпалит в следующую секунду.

– Вина, ты меня слушаешь? – вырывает ее из размышлений голос мужа. – Фрэнсис Грей – или Стокс, или как там ее теперь зовут – в милости у королевы. В конце концов, она королеве близкая родня.

– Это еще никого не спасло, – мрачно отвечает Левина. – Если бы ты был там и видел Джейн Грей на плахе... И если бы понимал, по какому лезвию ножа сейчас ходит при дворе

ее сестра...

Георг выглядит пристыженным.

– В любом случае, – добавляет она, – я теперь фрейлина королевы и не могу без ее дозволения...

– Твоя придворная должность – чаша с ядом! – бормочет он; а в следующий миг громкий стук в дверь заставляет обоих умолкнуть и обернуться. Вздергивает голову лежащий у камина Герой.

Георг идет открывать; приоткрывает дверь совсем немного, так что Левина едва различает тень человека на пороге, его протянутую руку – и сердце у нее падает; по кольцу с крупным гранатом она узнает в незваном госте пономаря из церкви Святого Мартина. Это человек Боннера.

На большом столе в центре холла лежит незаконченный, запятнанный слезами набросок сожжения в Мэне. Мысленно Левина проклиная себя за неосторожность, с которой оставила рисунок на видном месте. Только бы Георг сообразил как можно дольше держать Боннерову ищейку на пороге! Мужчины о чем-то говорят, но Левина разбирает лишь отдельные слова – все заглушает стук собственного сердца. Она хватается за рисунок и бросает в камин, смотрит, как он загорается, чернеет и сворачивается по краям – так же погиб и портрет Джейн. Несколько секунд – и от ее работы остаются лишь легкие черные бабочки пепла.

Дверь распахивается; человек Боннера стоит на пороге – темный силуэт на фоне сумерек. Герой вздергивает голову,

шерсть на загривке встает дыбом.

Левина вежливо здоровается.

– Я так рада вас видеть! – говорит громче обычного, словно играет роль на маскараде. Имени его она не помнит – и боится оскорбить тем, что не называет по имени.

Мужчина берет ее протянутую руку, крепко – слишком крепко – сжимает обеими руками и, поднеся к губам, запечатлевает на костяшках влажный поцелуй. Они встречаются взглядами, и гость обезоруживающе улыбается, открывая два ряда мелких ровных зубов. Левина часто видит его в церкви: там, в черной сутане, взмахивая руками в широких рукавах, он напоминает ей галку. Но такой улыбки она у него прежде не видела. Рядом топчется Георг. За дверью кто-то еще – пономарь пришел не один; у Левины сжимается горло, она ясно представляет, как ее хватают, запикивают в повозку и везут в тюрьму Флит. Если начнут обыскивать дом – в спальне, за портьерами, найдут свернутые бумаги: отчеты о зверствах, которые должны отправиться в Женеву вместе с рисунками. Тогда сожгут всю семью. У Левины учащается дыхание, и она боится, что по вздымающейся груди, по капелькам пота на лбу пономарь угадает ее страх.

– Левина, милая, Берн хочет о чем-то с нами поговорить, – слышится рядом голос Георга.

Она впечатлена его спокойствием и благодарна за то, что муж напомнил ей фамилию незваного гостя. Конечно, Берн – как она могла забыть? От заикания Георга не осталось и

следа. Его мужество придает мужества и ей: словно твердая рука сжимает сердце – она вспоминает, как любит его и за что любит.

– Будь добра, распорядись, чтобы нам подали холодного эля.

В коридоре она на секунду прижимается к каменной стене, старается охладить голову и восстановить дыхание, благодарная за эту минуту передышки. Прячет под чепец выбившиеся пряди волос, зовет слугу, отдает ему распоряжение и возвращается в холл, где Георг и Берн уже сидят в креслах по обе стороны от камина. Герой не сводит с гостя глаз, словно коршун следит за добычей. Человек Берна, не потрудившийся представиться, – судя по одежде, слуга или охранник – переминается с ноги на ногу ближе к дверям. Левина присаживается на невысокий табурет рядом с мужем, расправляет юбки, поправляет рукава – словом, занимается чем угодно, лишь бы не смотреть Берну в глаза.

– Надеюсь, ваших близких не коснулась инфлюэнца, – говорит она.

Самое естественное начало для беседы. В эти дни все только и толкуют, что об инфлюэнце – новой болезни, которая косит людей по всей стране.

– Это кара Божья за ересь, – отвечает Берн. – Благодарю вас; да, мою семью Господь пока щадит.

– Нас тоже, – перекрестившись, вставляет Георг.

Берн пристально за ним наблюдает.

– Вы, конечно, знакомы с семьей Кэрратов, – говорит он мягко, доброжелательно, словно на светском приеме от нечего делать обсуждает общих знакомых. Но под мягким тоном что-то кроется – то ли обвинение, то ли угроза.

– Это наши соседи, – отвечает Георг. – Да, немного знакомы. А что, у них кто-то заболел?

Входит слуга и передает Берну чашу с элем. Тот принимает, затем отпивает, причмокнув губами.

– Отличный у вас эль, Теерлинк! Сами варите или покупаете где-то?

– Мы получаем эль из...

Но договорить Георг не успевает – Берн прерывает его:

– Значит, говорите, соседи?

– Верно, – отвечает Левина так, словно это самый обычный разговор. Старается не смотреть на маленькие ровные зубки Берна, не думать – какая странная внезапная мысль – что он, того гляди, укусит. – Наш Маркус влюблен в одну из их дочерей.

Мысль ее отчаянно работает, словно вертятся мельничные колеса. Если у Кэрратов кто-то заболел – значит, теперь опасность грозит и Маркусу? Новая угроза, новый страх.

Но Берн, как видно, не намерен продолжать разговор об инфлюэнце.

– Да-да, – говорит он. – Епископ знает об их связи.

– Едва ли это можно назвать связью, – замечает Левина, стараясь говорить спокойным, ровным тоном. Не выказы-

вать страха перед тем, какое направление принимает разговор. – Мы подобных отношений не поощряем, – добавляет она, бросив взгляд на Георга, и тот еле заметно кивает.

– А надо бы поощрять! – отвечает Берн. Они молчат, ожидая объяснений. – Видите ли, епископ хочет, чтобы за Кэрратами приглядывали. Есть опасение, что они... – Гость умолкает и начинает крутить кольцо на пальце. – Как бы вам сказать? Одним словом, поведение Кэрратов возбудило у епископа определенные... подозрения. – Последнее слово он растягивает, произносит едва ли не по слогам. – Если ваш сын ухаживает за одной из их дочерей, это дает отличную возможность понаблюдать за всей семьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.